

Конституционное П Р А В О С У Д И Е

Вестник
Евразийской ассоциации
органов конституционного контроля

Выпуск 1 (83)
Издается Конституционным Советом Республики
Казахстан
Нур-Султан - 2021

Председатель редакционного совета

ШАПАК Унзила

Член Конституционного Совета Республики Казахстан

Редакционный Совет:

ГАРАДЖАЕВ Джейхун

судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ВОРОНОВИЧ Тадеуш Валентинович

судья Конституционного Суда Республики Беларусь

ТУНЯН Араик Георгиевич

судья Конституционного Суда Республики Армения

БОБУКЕЕВА Меергуль Рыскулбековна

судья-секретарь Конституционного Суда Кыргызской Республики

ДАМДИНСУРЭН Солонго

судья Конституционного Суда Монголии

КОКОТОВ Александр Николаевич

судья Конституционного Суда Российской Федерации

ДЖАМШЕДЗОДА Джамшед Назаршо

судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

ГАФУРОВ Аскаржон Бойисович

заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Узбекистан

Содержание

Ф. Абдуллаев

Реализация принципа правовой определенности посредством осуществления конституционного правосудия	4
---	---

Из практики органов конституционного контроля

Постановления Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики	7
Резюме решения Конституционного Суда Республики Беларусь	20
Нормативные постановления Конституционного Совета Республики Казахстан	23
Решения Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики	36
Постановления Конституционного Суда Российской Федерации	50

Мероприятия в государствах-членах Евразийской ассоциации органов конституционного контроля

Международный онлайн-круглый стол «Рассмотрение Конституционным Советом запросов судов общей юрисдикции» (26 февраля 2021 года)	68
Международный онлайн семинар «Исполнение решений конституционных судов и приравненных к ним органов: теория и практика» (25 июня 2021 года)	70

**Фархад Абдуллаев,
Председатель
Конституционного Суда
Азербайджанской Республики,
д.ю.н.**

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

В условиях изменения системы социальных ориентиров, меняется и право, и, прежде всего, конституционное, роль которого стремительно возрастает. Конституционное право давно переросло из отдельной отрасли права в огромный массив, возвышающийся над всеми отраслями права и предопределяющий их развитие.

Конституция в виде содержащихся в ней руководящих идей дает законодателю ориентир содержания законов, а судам, и, прежде всего, Конституционному Суду – инструмент толкования. Таким образом, конституционные идеи и принципы формируют правовую парадигму, отражая и, в то же время, формируя концепции правового развития государства.

Для конституционного правосудия, как показывает опыт Конституционного Суда Азербайджанской Республики, основные конституционные принципы устройства государства и общества зачастую выступают основой для вынесения решений, т. е. являются важнейшими критериями конституционализма. Конституционный Суд, как высшая юридическая инстанция по разрешению правовых коллизий, определяет в своих решениях объективность той или иной концепции.

Полномочие Конституционного Суда по интерпретированию Основного Закона неизбежно приводит к тому, что Суд в результате этой деятельности сам начинает формулировать конституционные положения принципиального характера. В своих правовых позициях органы конституционного контроля, раскрывая смысл конституционных положений выявляют и обосновывают новые принципы, обогащая тем самым теорию и практику конституционализма и расширяя пространства права.

Как известно, цель толкования Конституции и законов заключается в прояснении содержания нормы и доведении ее реального конституционно-правового предмета до правоприменителей. При этом, данное Конституционным Судом официальное толкование делает невозможным применение нормы в какой бы то ни было другой правовой форме. Посредством официального толкования правовая норма одновременно пополняется с точки зрения современных ценностей, приобретая новые контуры. А это, в широком смысле, служит цели развития правоприменительной практики в соответствии с конституционным правом.

Как уже отмечалось, в процессе толкования получил свое обоснование целый ряд формально незафиксированных в Конституции ценностей, оказывающих фундаментальное воздействие на соответствующие общественные отношения, включая такие, как: стабильность, устойчивость публичных правоотношений, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов, соразмерность, процессуальная экономия и др. Одним из таких принципов является

и принцип правовой определенности, впервые выведенный Конституционным Судом из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Очевидно, что равенство всех перед законом и судом может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями.

Общеправовой критерий определенности правовой нормы, как конституционное требование к законодателю, последовательно подчеркивается Конституционным Судом Азербайджана. Как неоднократно указывал Суд, определенность, ясность и недвусмысленность правовой нормы вытекают из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Неопределенность в содержании правовой нормы, напротив, создает в процессе правоприменения условия для его ограниченного понимания и неизбежно приводит к произволу, нарушению принципа равенства всех перед законом и судом, а также принципа верховенства права. В своем Постановлении от 26 мая 2017 года, Пленум Конституционного Суда отметил, что несоблюдение законодателем принципа правовой определенности при регулировании реализации какого-либо права, закрепленного в Конституции, может привести к нарушению данного права.¹

Следует отметить, что понятие «качество закона», являющееся одним из компонентов принципа правовой определенности, не используется в нашем законодательстве: соответственно, нормативные требования к законам в виде своего рода стандартов законотворчества не установлены. Критерий определения качества закона — это судебная практика. Если из-за неясности, двусмысленности, а также противоречивости нормы закона возникает множество судебных споров, доходящих до высших инстанций, то само количество таких споров свидетельствует о наличии проблем, что касается качества закона. А ввиду свободного толкования нормы различными правоприменителями, возникают конфликты интерпретации правовых предписаний и, как следствие – неопределенность в праве. Реализация принципа правовой определенности приобретает, таким образом, практическое значение. Соблюдение принципа правовой определенности пресекает неоднозначное понимание и, следовательно, неправомерное применение юридических норм, влекущее нарушение прав и законных интересов субъектов.

Посредством обеспечения принципа правовой определенности в нормотворчестве создаются условия для единообразия и предсказуемости правоприменительной практики, обеспечения прав и свобод человека. Причем, требование определенности распространяется не только на законодательные акты, но и на итоговые решения судов.

Так, в Постановлении от 13 июня 2008 года Пленум Конституционного Суда Азербайджана отметил: «доктрина конституционного права признает принцип правовой определенности в качестве одного из основных элементов верховенства закона, нашедших свое отражение в преамбуле Конституции Азербайджанской Республики. А принцип правовой определенности, наряду с другими требованиями, предусматривает ясность и определенность относительно существующей правовой ситуации в самом общем смысле. С этой точки зрения, во все необходимые вопросы по делу, разрешаемому в принятых судами постановлениях, должна быть внесена ясность, противоречивые моменты должны быть устранены».² В Постановлении от 15 января 2018 года Пленум Конституционного Суда вновь указал, что в судебных

---

¹ *Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 26 мая 2017 года «О проверке соответствия некоторых нормативно-правовых актов Конституции Азербайджанской Республики по жалобе Кларка Гордона Морриса (Clark Gordon Morris)»*

² *Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 13 июня 2008 года «О проверке соответствия постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 9 февраля 2006 года и постановления Пленума Верховного Суда Азербайджанской Республики от 22 декабря 2006 года Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе Н.Абилова»*

актах, выносимых от имени Азербайджанской Республики, не должно быть положений, ставящих справедливое разрешение дела под сомнение, противоречие, и влияющих на конституционное право на судебную защиту участников спора.³

Еще один аспект принципа правовой определенности проявляется в связи с возможностью пересмотра вступивших в силу судебных постановлений. Реальным регулятором общественных отношений судебное решение становится после того, как активизируется весь комплекс заложенных в нем законом свойств – неопровержимость, обязательность и исключительность. В данном контексте принцип правовой определенности предполагает, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и вынесения нового постановления. Полномочие же вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу.

В Постановлении от 6 июня 2014 года Пленум Конституционного Суда Азербайджана указал, что существование возможности обжалования вступивших в законную силу решений судов в течение неопределенного времени противоречит принципу “res judicata”, который, в свою очередь, является составной частью принципа правовой определенности, препятствует отправлению правосудия в разумные сроки, а также нарушает стабильность и последовательность вступивших в силу итоговых актов судов, что подрывает доверие общества к системе правосудия.⁴

В Постановлении от 12 апреля 2017 года Пленум Конституционного Суда особо подчеркнул, что основания для аннулирования или изменения судебных решений, вступивших в законную силу, должны отвечать конституционно-значимым целям в соответствии с принципами правовой определенности и соразмерности, не нарушать принцип справедливости, стабильности и сбалансированности судебных решений.⁵

Принцип правовой определенности изначально являлся производным, смысл, которым его наполнял Конституционный Суд, превратил его в один из краеугольных принципов права.

В правовом государстве участники правоотношений должны обладать возможностью предвидеть результат своих действий и, в том числе, иметь уверенность в том, что их права будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителя будут прогнозируемы и предсказуемы, и не будут меняться от случая к случаю, от суда к суду. Если гражданин должен подчиняться закону, если он обязан действовать в рамках правовых предписаний, то, очевидно, что основополагающим условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих предписаний. Определенность правовых норм и судебных решений превращается в неотъемлемое право человека, без которого, по сути, вообще ни о каких правах не может быть речи, что и подтверждается практикой, сформированной в процессе современного осуществления конституционного правосудия.

---

³ *Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 15 января 2018 года «О проверке соответствия постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 5 июля 2017 года Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе В.Кичибекова»*

⁴ *Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 06 июня 2014 года «О проверке соответствия постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 30 октября 2013 года Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе Дж.Исмаилзаде»*

⁵ *Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 12 апреля 2017 года «О толковании статьи 28 Административно-Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики»*

ИМЕНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

*О толковании статьи 142 Уголовно-процессуального кодекса
Азербайджанской Республики*

8 января 2020 года

город Баку

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой, Судабы Гасановой, Ровшана Исмаилова (судья-докладчик), Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Махира Мурадова, Исы Наджафова и Кямрана Шафиева,

с участием секретаря суда Фараида Алиева, представителей заинтересованных субъектов- председателя Коллегии по уголовным делам Гянджинского Апелляционного суда Тейюбом Мухтаровым и главного консультанта отдела административного и военного законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Эльнуром Нуриевым, эксперта-заведующей кафедрой уголовного процесса юридического факультета Бакинского государственного университета, доктора юридических наук, профессора Фирузы Аббасовой,

специалистов – судьи Верховного Суда Азербайджанской Республики Ингилаба Насирова и заместителя начальника Управления по защите государственного обвинения Генеральной прокуратуры Азербайджанской Республики Мурвата Гасанова,

в соответствии с частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики на основании обращения Гянджинского апелляционного суда рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке особого конституционного производства конституционное дело о толковании статей 7, 21, 25, 33, 141, 142 и 145 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения статей 60, 63, 71 и 125 Конституции Азербайджанской Республики.

Заслушав доклад судьи Р.Исмаилова по делу, выступления представителей заинтересованных субъектов и специалистов, выслушав мнение эксперта, изучив и обсудив материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

УСТАНОВИЛ:

Гянджинский Апелляционный суд, обратившись в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – Конституционный суд), просил дать толкование статей 7, 21, 25, 33, 141, 142 и 145 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики (далее – Уголовно-процессуальный кодекс) с точки зрения статей 60, 63, 71 и 125 Конституции Азербайджанской Республики (далее – Конституция).

В обращении отмечается, что Р.Рзаев, обвиняемый по статье 181 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики (далее – Уголовный кодекс), будучи признан виновным по приговору Гянджинского суда по тяжким преступлениям от 4 февраля 2019 года по статье 322.2 данного Кодекса, осужден наказанием в виде исправительных работ сроком на 2 года с удержанием 20% ежемесячного заработка

в пользу государства. Один из аргументов апелляционного протеста поданного государственным обвинителем на данный приговор заключался в том что, при даче судом правовой оценки деянию Рзаева, не было принято во внимание наличие приговора Бакинского суда по тяжким преступлениям от 13 июня 2018 года о признании другого члена группы, Д.Аскерова, виновным по статьям 126, 181 и 221 Уголовного кодекса. Так, по обвинению выдвинутому в данном приговоре, отмечалось что Д.Аскеров совершил преступное деяние в котором обвинялся, то есть разбой предусмотренный статьями 181.2.1 и 181.2.5 Уголовного Кодекса в виде группы лиц по предварительному сговору с Р.Рзаевым, и был осуждён на наказание в виде лишения свободы сроком на 11 лет и 6 месяцев. Решением Бакинского апелляционного суда от 20 августа 2018 года Д.Аскеров окончательно был лишен свободы сроком на 10 лет, в остальной части приговор Бакинского суда по тяжким преступлениям от 13 июня 2018 года не был изменен и вступил в законную силу.

В связи с этим обратившейся отмечает что, хотя Р. Рзаев не фигурировал в качестве обвиняемого при рассмотрении в Бакинском суде по тяжким преступлениям и Бакинском апелляционном суде, уголовного дела в отношении Д. Аскерова, тем не менее данными судами были приняты и вступили в законную силу судебные решения, которые как по установленным обстоятельствам, так и данной им правовой оценке могли напрямую повлиять на его виновность.

По мнению обратившегося, для формирования единой судебной практики по данному вопросу необходимо дать толкование статьи 142.1 Уголовно-процессуального кодекса посвященной преюдиции с точки зрения статей 60 и 63 Конституции.

Еще один вопрос, поставленный в обращении, связан с выявлением резкой разницы между размером налога, установленным на основании вступившего в законную силу решения суда по административному спору, и размером налога, установленным по уголовному делу судом первой инстанции. Так данное различие существенно влияет на квалификацию деяния обвиняемого соответствующей статьей уголовного законодательства.

Как видно из обращения, Я. Гидаятов обратился в Гянджинский административно-экономический суд с иском требованием против Бакинского налогового департамента при Министерстве налогов Азербайджанской Республики о признании недействительным акта налоговой проверки от 30 марта 2015 года, а также решения от 5 мая 2015 года о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности.

На основании оспариваемых актов, было принято решение о привлечении Я.Гидаятова к налоговой ответственности с применением в отношении его финансовой санкции в размере 776 114 манатов. Решением Гянджинского административно-экономического суда от 31 мая 2015 года иск Я. Гидаятова не был удовлетворен, и данный судебный акт вступил в законную силу.

В обращении также указано, что на основании обвинения выдвинутого следственным органом обвиняемый З. Гидаятов, нарушив требования ряда статей Налогового кодекса Азербайджанской Республики (далее – Налоговый кодекс), уклонился от уплаты в государственный бюджет налогов в размере 847 104,54 маната, совершив тем самым деяние, предусмотренное статьей 213.2.2 Уголовного кодекса.

З.Гидаятов будучи признан виновным приговором Бардинского районного суда от 4 июня 2018 года в совершении преступного, деяния предусмотренного статьей 213.1 Уголовного кодекса, осуждён на наказание в виде исправительных работ сроком на 2 года с удержанием 20% заработка в пользу государства и лишен права занимать руководящие должности и должности материально ответственного лица в государственных органах и органах местного самоуправления сроком на 2

года. На основании упомянутого приговора Бардинского районного суда, З. Гидаятов нарушив ряд требований Налогового кодекса, уклонился от уплаты в государственный бюджет налогов в размере 68 469,13 маната. Государственный обвинитель подал апелляционный протест, на данный приговор.

По мнению обратившегося, из содержания статьи 142.2 Уголовно-процессуального кодекса следует, что вступившее в законную силу решение суда по административному спору является обязательным только в части того, имело ли место происшествие или действие в уголовном деле.

Гянджинский апелляционный суд пришел к выводу о целесообразности с точки зрения формирования единой судебной практики внесения ясности в вопрос о том, привело ли принятие судом рассмотревшим уголовное дело обязательности решения суда, вступившего в законную силу в соответствии со статьей 142.2 Уголовно-процессуального кодекса, к предварительному установлению вины обвиняемого в случае расхождений между суммой налога, установленной вступившим в законную силу решением суда, и суммой налога, установленной на основании доказательств, собранных в ходе производства по уголовному делу.

В связи с вопросами, поставленными в обращении, Пленум Конституционного Суда считает необходимым отметить, следующие.

Согласно части I статьи 60 Конституции каждому гарантируются защита его прав и свобод в административном порядке в суде.

Согласно правовой позиции, сформированной Пленумом Конституционного Суда, судебная защита рассматривается как эффективное восстановление независимым судом прав на основе справедливого судебного разбирательства. Правосудие по сути должно соответствовать понятию справедливости и обеспечивать восстановление нарушенных прав (Постановления Пленума Конституционного Суда по жалобе С.Аббасовой от 14 октября 2016 г, по жалобе Ф. Ширинова от 16 ноября 2016 г. и пр.).

Содержание данного права следует понимать с учетом норм и принципов Конституции, а также требований принципа правовой определенности. Одним из средств обеспечения этого принципа является преюдиция вступивших в законную силу судебных актов.

Преюдиция предусматривает освобождение от необходимости повторного доказательства обстоятельств, установленных решением суда, вступивших в законную силу и являющихся предметом доказательств по ранее рассмотренному делу.

Преюдициальность вступившего в законную силу решения суда ограничена кругом лиц, в отношении которых вынесено данное решение, и возможна при наличии нижеследующих всех трех условий:

– конкретный факт должен быть установлен вступившим в законную силу решением суда, вынесенным по делу, с участием участника уголовного процесса по другому делу.

– данный факт должен быть отнесен к предмету доказательства в обоих случаях;

– в том и другом деле правовой статус лица должен быть одинаковым.

Согласно правовой позиции Пленума Конституционного Суда, институт преюдиции обеспечивает пресечение пересмотра судебных актов, идентичность, стабильность и правовую определенность в судебной практике. Нормы, регулирующие преюдицию, направлены на упрощение процесса доказывания, сокращение сроков рассмотрения дел и экономию средств судов, а также участников судебного процесса (Постановление от 23 февраля 2016 г. «О толковании статьи 82.3 Гражданского процессуального кодекса Азербайджанской Республики»).

Для признания преюдициального значения вступивших в силу судебных решений должна быть установлена совокупность объективных и субъективных пределов преюдициальности. В связи с пределами преюдициальности вступивших в силу судебных решений по гражданским спорам, Пленум Конституционного Суда считает, что принцип преюдициальности касается лишь сторон, участвовавших в прежних или последующих процессах, других лиц, участвовавших в деле и их правопреемников (Постановление от 23 февраля 2016 года «О толковании статьи 82.3 Гражданского процессуального кодекса Азербайджанской Республики»).

На основании статьи 142.1 Уголовно-процессуального кодекса вступивший в законную силу приговор суда по уголовному преследованию обязателен для дознавателя, следователя, прокурора или суда как в части обстоятельств установленных в производстве, по уголовному преследованию так и в части их юридической оценки. В соответствии со статьей 142.2 данного Кодекса суда, вступившее в законную силу постановление суда по гражданскому делу, к административному или экономическому спору является в производстве по уголовному делу обязательным для дознавателя, следователя, прокурора или суда только в части того, имело ли место происшествие или действие, и не решает предварительно вопроса о виновности или невиновности обвиняемого.

Как видно, законодатель по-разному определил внутриотраслевую (статья 142.1 Уголовно-процессуального кодекса) и межотраслевую преюдициацию (статья 142.2 Уголовно-процессуального кодекса) в уголовном процессе. Так в то время как обстоятельства, установленные во вступившем в силу приговора суда при применении внутриотраслевой преюдициции в уголовном процессе, и их юридическая оценка обязательны в последующем производстве по уголовным делам, согласно межотраслевой преюдициции вступившие в законную силу решения по гражданским, административным или экономическим делам обязательны лишь в части наличия или отсутствия события или действия.

С другой стороны, в статье 142 Уголовно-процессуального кодекса не установлены четко субъективные пределы преюдициции, то есть круг лиц, на которых распространяется законная сила приговора суда.

Субъективные пределы преюдициции определяются кругом лиц, которые в качестве стороны уголовного процесса выражают свою позицию в суде и представляют доказательства, для обоснования данной позиции. Физические лица входящие в субъективные пределы должны иметь максимальный объем процессуальных гарантий и обладать возможностью влияния на сбор и оценку обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

В этой связи следует отметить, что отнесённость преюдициальности вступившего в силу приговора суда к лицам, не участвующим в данном уголовном процессе, в статусе обвиняемого лишая последних установленных уголовно-процессуальным законодательством гарантий, в том числе прав на защиту (часть VIII статьи 127 Конституции) и презумпцию невиновности (статья 63 Конституции) в судопроизводстве может привести к нарушению их права на судебную защиту прав и свобод, закрепленного в статье 60 Конституции.

Как указано в обращении, подобные обстоятельства возникают в основном в результате выделения производства по уголовному преследованию в отношении лиц, обвиняемых в участии в преступном деянии. При этом часть подлежащих доказательству обстоятельств по выделенному уголовному делу, может совпадать с обстоятельствами, закрепленными по другому уголовному делу, уже вступившим в силу приговором суда.

Обязательность обстоятельств, установленных вступившим в силу приговором, и данной им юридической оценки в отношении обвиняемого по выделенному уголовному делу, фактически может заранее решить вопрос его

виновности или не виновности до вступления в силу приговора суда в отношении его. При этом следует учитывать, что на основании части I статьи 63 Конституции каждый имеет право на презумпцию невиновности. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и не будет в связи с этим вступившего в законную силу приговора суда.

Согласно смыслу вышеуказанному конституционного положения, никто не может быть признан виновным без соблюдения правил, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Важной частью данных процессуальных правил являются нормы относительно участия обвиняемого в исследовании доказательств.

Следует также иметь в виду, что утвержденные уголовно-процессуальным законодательством положения о сборе, проверке и оценке доказательств, не только служат установлению соответствующих действительности фактических обстоятельств дела, но и выступают в качестве важных процессуальных гарантий касающихся прав личности. В систему указанных гарантий входят вытекающие из Конституции презумпция невиновности. Возложение доказывания по уголовному делу на сторону обвинения, право на защиту и. пр. считающиеся одними из важных принципов уголовного судопроизводства. Их соблюдение является неотъемлемым условием обеспечения законности проведения производства по уголовному делу.

Пленум Конституционного Суда подчеркивает, что одной из причин возникновения поставленного в обращении вопроса является неправильное применение статей 50 и 211 Уголовно- процессуального кодекса.

Статья 50.1 Уголовно-процессуального кодекса, предоставляя следователю, прокурору, судье права выделения производства по уголовному преследованию, одновременно определяет условия, при которых такое выделение возможно. Хотя установление порядка, предусмотренного в указанной статье, преследует цель процессуальной экономии. Тем не менее, в качестве обязательного условия предусматривает что выделение производства по уголовным делам не должны препятствовать всестороннему, полному и объективному расследованию всех обстоятельств связанных с уголовным преследованием.

Кроме того, статья 211 Уголовно-процессуального кодекса определяет условия и порядок соединения уголовных дел и выделения из материалов уголовного дела другого уголовного дела. На основании статьи 211.3 Уголовно-процессуального кодекса, другое уголовное дело не может быть выделено, если имеются препятствия к всестороннему, полному, объективному и своевременному выяснению всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием, даже при наличии одного или нескольких условий, предусмотренных статьей 211.2 настоящего Кодекса.

Статья 50.3 Уголовно-процессуального кодекса обязывает следователя, прокурора и судью предоставить соответствующие правовые и фактические основания при вынесении решения о выделении уголовного дела в отдельное производство о взаимосвязи со статьями 9.1.3 и 211 данного Кодекса. Для справедливого разрешения уголовного дела такое решение должно быть принято на основании конкретных обстоятельств, а также норм материального и процессуального права, подтверждающих важность его принятия и нашедших отражение в материалах дела.

Заслуживает внимания также опыт Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд) по вопросу, затронутому в обращении. Так на основании прецедентного права Европейского суда, Конвенция “О защите прав человека и основных свобод” (далее – Конвенция) не запрещает использования правовых презумпций и презумпций фактов по уголовному делу, однако требует от государств

принятие во внимание важности исхода дела для обвиняемого и ограничения такого использования разумными пределами для обеспечения его права на защиту (Решение по делу «Salabiaku против Франции» от 7 октября 1988 г. § 28; Решение по делу «Radio France и другие» от 30 Марта 2004 г. § 24).

Европейский суд указал в ряде постановлений, что пункты 2 и 3 (d) статьи 6 Конвенции, гарантирующие презумпцию невиновности и допрос свидетелей, являясь составной частью права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в пункте 1 данной статьи, должны приниматься во внимание при оценке справедливости судебного разбирательства в целом (Решение Большой Палаты по делу «Gäfgen против Германии» от 1 июня 2010 г.; Решение по делу «Al-Khawaja и Tahery против Соединенного королевства» от 15 декабря 2011 г.).

Европейский суд также посчитал, что при невозможности ведения одного производства, по сложному уголовному делу с участием нескольких лиц, суд в целях решения вопроса виновности обвиняемых лиц, суд может потребовать не называть имен третьих лиц, причастных к совершению преступления, которые впоследствии предстанут перед судом. Суды, рассматривающие уголовные дела, обязаны определять обстоятельства дела, представляющие важность для более полного и точного разрешения вопроса о правовой ответственности обвиняемых, и не могут говорить об установленных обстоятельствах просто как о доводе или сомнении. Это также относится к обстоятельствам, связанным соучастием третьих лиц. Однако, при необходимости указания данных обстоятельств, суду следует воздержаться от представления доказательств, не являющихся неизбежными для установления правовой ответственности обвиняемого. В этом контексте, дабы не подвергать сомнению справедливость судебного разбирательства по другому делу при составлении судебных решений, следует воздержаться от предварительных суждений, связанных с виной третьих лиц (Решение по делу «Karaman против Германии», от 27 февраля 2014 г. § 64-65).

В то же время Европейский суд отметил, что если характер обвинения не позволяет суду не касаться сделанного им вывода о соучастии третьих лиц и этот вывод может повлиять на решение правовой ответственности третьих лиц, которое будет рассматриваться отдельно, то данное обстоятельство следует расценивать как серьезное препятствие для выделения дела в отдельное производство. Любое решение о рассмотрении в отдельности дел, тесно связанных друг с другом, с точки зрения общих обстоятельств должно основываться на всестороннем анализе всех сталкивающихся интересов, и представлять другим обвиняемым возможность возражать против выделения дела в отдельное производство. Второе требование связанное с ведением отдельного производства, предусматривает что обстоятельства, установленные без участия других обвиняемых, не должны представлять преюдициального значения в отношении данных лиц. Статус доказательств, использованных по одному делу, должен оставаться чисто относительным, а их сила ограничиваться существующим конкретным судопроизводством (Постановление от 23 февраля 2016 г., 46632/13 и 28671/14, §104-105).

В связи с другим вопросом, поднятым в обращении, Пленум Конституционного Суда считает важным ещё раз отметить, что преюдициальность вступившего в законную силу решения суда ограничивается кругом участвующих в деле лиц. Как видно из содержания обращения, в то время, как в качестве истца по административному делу находящемуся в производстве Гянджинского административно-экономического суда Я.Гидаятов впоследствии в качестве обвиняемого по уголовному делу, находившегося в производстве Бардинского районного суда было привлечено другое лицо-З.Гидаятов. Это, свидетельствуя об

отсутствии преюдиции, в соответствии с вышеуказанной правовой позицией исключает применение статьи 142.2 Уголовного процессуального кодекса.

Принимая во внимание вышеизложенное, Пленум Конституционного Суда приходит к следующим выводам:

– Преюдиция предусматривает освобождение от необходимости повторного доказывания обстоятельств, относящихся к предмету доказывания по ранее рассмотренному делу и установленных вступившим в законную силу приговором суда. Преюдициальность вступившего в законную силу приговора суда ограничивается кругом лиц, в отношении которых вынесен данный приговор;

– С точки зрения требований части I статьи 60, статьи 63 и части VIII статьи 127 Конституции, положения статьи 142.1 Уголовно-процессуального кодекса применяются в отношении лица, обвиняемого по уголовному преследованию, если виновность или невиновность данного лица установлена вступившим в законную силу приговором суда по другому, связанного с первым, уголовному делу с соблюдением гарантий, вытекающих из права на судебную защиту;

– следователь, прокурор или судья, принимающий решение о выделении производства по уголовному преследованию исходя из требований статей 50 и 211 Уголовно-процессуального кодекса, должен установить возможные условия, такого выделения, указать соответствующие правовые и фактические основания данного решения, воздерживаться от такого выделения при наличии препятствий для всестороннего, полного, объективного и своевременного расследования, всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием.

Руководствуясь частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 60, 62, 63, 65-67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном Суде” Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Преюдиция предусматривает освобождение от необходимости повторного доказывания обстоятельств, относящихся к предмету доказывания по ранее рассмотренному делу и установленных вступившим в законную силу приговором суда. Преюдициальность вступившего в законную силу приговора суда ограничивается кругом лиц, в отношении которых вынесен данный приговор.

2. С точки зрения требований части I статьи 60, статьи 63 и части VIII статьи 127 Конституции Азербайджанской Республики положения статьи 142.1 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики применяются в отношении лица, обвиняемого по уголовному преследованию, если виновность или невиновность данного лица установлена, вступившим в законную силу приговором суда по другому связанному с первым уголовному делу, с соблюдением гарантий, вытекающих из права на судебную защиту.

3.. Следователь, прокурор или судья, принимающий решение о выделении производства по уголовному преследованию исходя из требований статей 50 и 211 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики должен установить возможные условия такого выделения, указать соответствующие правовые и фактические основания данного решения, воздерживаться от такого выделения при наличии препятствий для всестороннего, полного, объективного и своевременного расследования всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием.

4. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

5. Постановление опубликовать в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халл газети”, “Бакинский рабочий” и “Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики”.

6. Постановление является окончательным, и не может быть отменено, изменено либо официально истолковано ни одним органом или лицом.

ИМЕНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ПЛЕНУМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

*О толковании некоторых положений статей 1134, 1146 и 1252
Гражданского кодекса Азербайджанской Республики*

24 февраля 2020 года

город Баку

Пленум Конституционного суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой (судья-докладчик), Судабы Гасановой, Ровшана Исмаилова, Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Махира Мурадова, Исы Наджафова и Кямрана Шафиева,

с участием секретаря суда Вугара Зейналова,

представителей заинтересованных субъектов – судьи Верховного суда Азербайджанской Республики Ильгара Дамирова и главного консультанта отдела экономического законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Фариды Гаджиева,

эксперта – доктора философии по праву, доцента Багира Асадова,

специалиста – судьи Бакинского апелляционного суда Икрама Широнова

в соответствии с частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики на основании обращения Гражданской коллегии Верховного суда Азербайджанской Республики рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке особого конституционного производства конституционное дело о толковании некоторых положений статей 1134, 1146 и 1252 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики.

Заслушав доклад судьи С.Салмановой по делу, выступления представителей заинтересованных субъектов и специалиста, мнение эксперта, изучив и обсудив материалы дела, Пленум Конституционного суда Азербайджанской Республики

УСТАНОВИЛ:

Гражданская коллегия Верховного суда Азербайджанской Республики (далее – Гражданская коллегия Верховного суда), обратившись в Конституционный суд Азербайджанской Республики (далее – Конституционный суд), просила дать толкование статей 1134, 1146 и 1252 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики (далее – Гражданский кодекс) для правильного применения предусмотренной в статье 1252 данного кодекса правовой нормы, связанной с наследственной трансмиссией.

Как видно из обращения, Ю.Салахов, обратившись в Ясамальский районный суд города Баку с исковым заявлением против ответчиков – А.Акперова и Нотариальной конторы номер 53 города Баку, просил принять решение об установлении факта принятия им в качестве наследственного имущества квартир – номер 43 по адресу: город Баку, улица З.Халилова, дом 35а и номер 73 по адресу:

город Баку, улица 20 Января, дом 40, оставшихся в наследство от покойной дочери Л.Салаховой, установлении в размере $\frac{1}{2}$ части данных квартир его наследственной доли, в размере $\frac{1}{2}$ – наследственной доли Ю.Акперова и выдаче в связи с этим свидетельства о праве на наследство.

Одновременно А.Акперов и Ю.Акперов (в качестве его законного представителя – А.Акперов), подав встречное исковое заявление против ответчиков – Ю.Салахова и Нотариальной конторы номер 53 города Баку, просили принять решение о выдаче свидетельства о праве на наследство с признанием права А.Акперова на 5/12, Ю.Салахова – на 2/12 и Ю.Акперова – на 5/12 части квартиры номер 43 по адресу: город Баку, улица 3.Халилова, дом 35а и выдаче свидетельства о праве на наследство с признанием права А.Акперова на 1/6, Ю.Салахова – на 2/6 и Ю.Акперова – на 3/6 части квартиры номер 73 по адресу: город Баку, улица 20 Января, дом 40.

Решением Ясамальского районного суда города Баку от 15 февраля 2019 года первоначальный и встречный иски были частично удовлетворены, установлен факт принятия Ю.Салаховым имущества, оставшегося в наследство от Л.Салаховой, постановлено установить доли Ю.Акперова в размере 3/6, Ю.Салахова – в размере 2/6 и А.Акперова – в размере 1/6 части каждой из квартир – номер 43 по адресу: город Баку, улица 3.Халилова, дом 35а и номер 73 по адресу: город Баку, улица 20 Января, дом 40 и возложить на Нотариальную контору номер 53 города Баку обязанность по выдаче свидетельства о праве на наследство в соответствии с их долями.

Решением Гражданской коллегии Бакинского апелляционного суда от 20 июня 2019 года решение суда первой инстанции было оставлено без изменения.

Недовольный данным решением Ю.Салахов подал кассационную жалобу в Гражданскую коллегию Верховного суда.

Гражданская коллегия Верховного суда, придя к выводу о необходимости толкования статей 1134, 1146 и 1252 Гражданского кодекса для правильного разрешения гражданского дела, приняла определение об обращении в Конституционный суд от 24 декабря 2019 года.

Из находящихся в материалах дела свидетельств о смерти от 9 августа 2016 года и 10 августа 2016 года видно, что Л.Салахова и А.Акперов скончались 5 августа 2016 года. Наследодатели, являясь, супругами, скончались в один день, но в разное время.

Так, как видно из экспертного заключения Научно-практического и учебного объединения “Судебно-медицинская экспертиза и патологическая анатомия” Министерства здравоохранения Азербайджанской Республики от 23 августа 2016 года, Л.Салахова 5 августа 2016 года скончалась в машине скорой медицинской помощи по дороге в Центральную больницу Кюрдамирского района, а ее муж – А.Акперов был доставлен в Центральную больницу Кюрдамирского района около 12:20 и скончался в тот же день в 14:30.

В обращении указано, что согласно статье 1134.1 Гражданского кодекса, при наследовании по закону наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя, а также дети наследодателя, родившиеся после его смерти. На основании статьи 1252 данного кодекса, в случае смерти наследника после открытия, но до принятия наследства право на получение доли наследства переходит к его наследникам (наследственная трансмиссия).

Согласно выводу Гражданской коллегии Верховного суда, вопрос, вызывающий неопределенность в регулировании отношений, связанных с наследством, заключается в том, что, тогда как в статье 1146 Гражданского кодекса временем открытия наследства признается день смерти наследодателя, статьей 1134.1 данного кодекса закреплено, что наследниками могут быть лица,

находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя. Обратившийся отмечает, что фактор времени, представляющий важное значение в разрешении вопросов, связанных с наследством, установлен в статье 1146 Гражданского кодекса как “день смерти наследодателя”, а в статье 1134 как “момент смерти наследодателя”. Это приводит к возникновению неопределенности в применении наследственной трансмиссии, предусмотренной в статье 1252 Гражданского кодекса.

Пленум Конституционного суда считает необходимым отметить в связи с обращением следующее.

На основании части VII статьи 29 Конституции Азербайджанской Республики, государство гарантирует право наследования.

Гарантия права наследования предусматривает оставление наследства, то есть, с одной стороны, возможность составить завещание, а с другой, – принять наследство в качестве наследника и владеть им. Наследственные отношения возникают между наследодателем и наследниками на основаниях, предусмотренных законом, или же по завещанию, основанному на воле наследодателя.

Под наследованием подразумевается возможность передачи другим лицам имущественных прав (наследственный актив) и обязанностей (наследственный пассив) физического лица, которые после его смерти могут быть переданы данным лицам. Смерть лица не является причиной прекращения имущественных и некоторых личных неимущественных прав и обязанностей, напротив, они переходят к другим лицам в порядке, указанном в правовых нормах, регулирующих наследственные отношения.

На основании статьи 1133 Гражданского кодекса, имущество умершего лица (наследодателя) переходит к другим лицам (наследникам) в силу закона либо завещания, либо по обоим основаниям. Наследование по закону (переход имущества умершего к лицам, указанным в законе) наступает в том случае, если наследодатель не оставит завещания либо завещание полностью или частично признано недействительным.

Для возникновения наследственных отношений в первую очередь должен иметь место факт смерти наследодателя. В соответствии со статьей 1145 Гражданского кодекса наследство открывается со смертью физического лица либо с объявлением его судом умершим.

Согласно статье 25.2 Гражданского кодекса правоспособность физического лица возникает в момент его рождения и прекращается смертью. Моментом смерти признается прекращение деятельности мозга.

Момент смерти человека удостоверяет медицинский работник (врач, фельдшер), который выдает медицинское свидетельство о смерти с целью представления в органы регистрации (пункты 1-2 Инструкции о порядке выдачи “Медицинского свидетельства о смерти”, утвержденной приказом министра здравоохранения Азербайджанской Республики от 3 июля 2015 года номер 52, статья 39 Закона Азербайджанской Республики “Об охране здоровья населения”).

Факт смерти и дата (день) смерти физического лица подтверждается свидетельством о смерти (о биологической смерти), выданным органами государственной регистрации актов гражданского состояния.

Объявление лица умершим в судебном порядке по правовым последствиям приравнивается к факту смерти, днем смерти лица считается день вступления в законную силу решения суда (статья 41.3 Гражданского кодекса).

Следует учесть, что суд может признать днем смерти лица день его предполагаемой гибели (статья 41.4 Гражданского кодекса). В этом случае дата смерти в актовой записи о смерти является датой, записанной в решении суда.

Таким образом, смерть лица или объявление его умершим в судебном порядке, будучи основанием для открытия наследства, как правового акта, является основанием возникновения наследственных правоотношений.

Круг лиц, которые могут быть наследниками, определен статьей 1134 Гражданского кодекса. При наследовании по закону наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя, а также дети наследодателя, родившиеся после его смерти. При наследовании по завещанию наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя, а также зачатые при жизни и родившиеся после смерти наследодателя, независимо от того, являются ли они его детьми и являются ли юридическими лицами.

Определение круга наследников представляет важное значение при разрешении вопроса, связанного с наследственной трансмиссией. На основании статьи 1252 Гражданского кодекса, в случае смерти наследника после открытия, но до принятия наследства право на получение доли наследства переходит к его наследникам (наследственная трансмиссия). Наследники умершего наследника должны принять наследство в течение времени, оставшегося до окончания срока для его принятия. Если этот срок составляет менее трех месяцев, он должен быть продлен до трех месяцев.

В наследственном праве под трансмиссией подразумевается переход после открытия наследства права наследника (трансмиттента), не успевшего принять наследство по причине смерти, на принятие наследства к его наследникам (трансмиссарам). То есть, если наследник по завещанию или по закону, умер после открытия наследства, не успев принять его в срок, установленный законодательством для принятия наследства, то право на принятие наследства не аннулируется, а переходит к наследникам умершего наследника. При этом применяется презумпция существования у наследника, умершего не приняв наследство, намерения принять имущество, наследство наследодателя, пока не доказано иное.

Следует отметить, что согласно правовой позиции, сформированной Пленумом Конституционного суда, согласно логике принципа семейного благополучия, право распоряжения имуществом (определенной частью имущества), принадлежащим собственнику при жизни, после его смерти должно принадлежать близким членам его семьи. При наследовании по закону этот принцип проявляет себя в правилах очередности, наследственной трансмиссии и служит получению наследства кругом наиболее близких лиц (Постановление “О проверке соответствия статьи 1193 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики частям I и II статьи 13, частям I, II и III статьи 29 Конституции Азербайджанской Республики” от 20 октября 2011 года).

Для изучения поставленного в обращении вопроса Пленум Конституционного суда считает необходимым внести ясность в положение “момент”, предусмотренное в статье 1134 Гражданского кодекса.

Слово “момент” употребляется в различных значениях: 1) место, пространство; 2) время, промежуток времени, момент, срок; 3) должность, звание, положение; 4) состояние, ситуация. В этом контексте предусмотренное в статье 1134.1 Гражданского кодекса положение “лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя”, устанавливающее круг лиц, которые могут быть наследниками, следует понимать в значении наследников, находящихся в живых к моменту смерти наследодателя. Точный момент смерти наследодателя должен быть установлен и для определения его наследников. Данный момент представляет важное значение в разрешении вопроса, связанного с наследственной трансмиссией. Так, если наследник, находившийся в живых к моменту смерти

наследодателя, умер до принятия наследства, не воспользовавшись правом наследования, то право последнего на получение доли из наследства переходит к его наследникам. В случае, если установить момент смерти не представляется возможным, лица, умершие в один день и обладающие правом наследования один после другого, должны считаться умершими одновременно, они не могут являться наследниками друг друга, невозможно также применение наследственной трансмиссии в соответствии с содержанием статьи 1134.1 Гражданского кодекса. Для каждого из наследодателей, признанных умершими одновременно, открывается отдельное наследство, и их наследники призываются к наследству в соответствующем порядке.

Следует отметить, что если сослаться на римское право, то в гражданском праве лица, умершие одновременно, именуются коморриентами, они не могут являться наследниками друг друга. Коморриентами признаются лица, умершие в один день, вне зависимости от того, наступила ли смерть в результате одного и того же происшествия (землетрясение, наводнение и пр.) или по разным причинам, момент смерти которых установить невозможно, они не могут выступать в качестве наследников друг друга.

Таким образом с точки зрения сути и содержания норм наследственного права слово “момент” в статье 1134.1 Гражданского кодекса выражает конкретный момент как показатель времени.

Время открытия наследства установлено статьей 1146 Гражданского кодекса. На основании данной статьи, временем открытия наследства признается день смерти наследодателя либо день вступления в силу решения суда об объявлении физического лица умершим.

Следует отметить, что осуществление и защита гражданских прав тесно связаны с категорией времени (промежутка времени). Наличие гражданских прав, защита нарушенных прав и гражданско-правовые последствия ограничиваются именно категорией времени (промежутка времени). Сроки играют важную роль в правовом регулировании имущественных и неимущественных отношений.

В гражданском праве под сроком подразумевается момент времени или промежуток (отрезок) времени, с которым связаны возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений (гражданских прав и обязанностей).

В соответствии со статьей 367 главы XVII Гражданского кодекса, именуемой “Исчисление сроков”, сроком является время, с которым связаны возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Установленный сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить.

Течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которым определено его начало (статья 368 Гражданского кодекса).

Взаимосвязанный анализ статей 368 и 1146 Гражданского кодекса свидетельствует о том, что статья 1146 данного кодекса предусматривает особый порядок начала срока. Временем открытия наследства признается день смерти наследодателя либо день вступления в силу решения суда об объявлении физического лица умершим.

Таким образом понятие “день”, предусмотренное в статье 1146 Гражданского кодекса, регулирующей время открытия наследства, следует воспринимать не в смысле двадцатичетырехчасовых суток, исчисляемых с момента смерти наследодателя, а как день, календарная дата, когда наступила смерть наследодателя. День смерти наследодателя, как календарная дата, выступает в

качестве важного критерия для разрешения ряда вопросов, предусмотренных в законодательстве, связанном с наследованием. Именно с этой даты начинается течение срока, предусмотренного в законодательстве для принятия наследства, принятое наследство со дня его открытия признается собственностью наследника, а также свидетельство о наследовании выдается наследникам в любое время по истечении шести месяцев со дня открытия наследства (статьи 1246, 1255 и 1322 Гражданского кодекса). При разрешении отмеченных вопросов датой открытия наследства считается день смерти наследодателя, как календарная дата, и течение установленных в законодательстве сроков исчисляется, начиная с этой календарной даты.

На основании вышеуказанного Пленум Конституционного суда приходит к следующим выводам:

- в соответствии со статьями 1134, 1145 и 1146 Гражданского кодекса, наследство открывается со смертью физического лица либо с объявлением его судом умершим в день смерти наследодателя, либо в день вступления в силу решения суда об объявлении его умершим, при этом наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя;

- для применения наследственной трансмиссии в связи с лицами, умершими в один день и обладавшими правом наследования друг после друга, точно устанавливается момент смерти наследодателя, после чего умершее лицо признается наследником лица, умершего раньше него. Если установить данный момент не представляется возможным, то лица, умершие в один день, считаются лицами, умершими одновременно с точки зрения правопреемства, для каждого из них в отдельности открывается наследство и применение наследственной трансмиссии исключается.

Руководствуясь частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 60, 62, 63, 65-67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном суде”, Пленум Конституционного суда Азербайджанской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. В соответствии со статьями 1134, 1145 и 1146 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, наследство открывается со смертью физического лица либо с объявлением его судом умершим в день смерти наследодателя, либо в день вступления в силу решения суда об объявлении его умершим, при этом наследниками могут быть лица, находящиеся в живых к моменту смерти наследодателя.

2. Для применения наследственной трансмиссии в связи с лицами, умершими в один день и обладавшими правом наследования друг после друга, точно устанавливается момент смерти наследодателя, после чего умершее лицо признается наследником лица, умершего раньше него. Если установить данный момент не представляется возможным, то лица, умершие в один день, считаются лицами, умершими одновременно с точки зрения правопреемства, для каждого из них в отдельности открывается наследство и применение наследственной трансмиссии исключается.

3. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

4. Постановление опубликовать в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халг газети”, “Бакинский рабочий” и “Вестнике Конституционного суда Азербайджанской Республики”.

5. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

РЕЗЮМЕ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

«О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 29 апреля 2021 г. № Р-1261/2021

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона «О защите персональных данных».

1. В условиях интенсивного развития информационных технологий вопросы неприкосновенности личной жизни приобретают особое значение. Исходя анализа норм Закона Конституционный Суд отмечает, что при совершенствовании правового регулирования работы с персональными данными законодатель основывался на нормах Конституции, согласно которым государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности (часть первая статьи 25, статья 28 и другие), с учетом рекомендаций, содержащихся в ведущих международно-правовых актах по защите персональных данных (Общий регламент о защите персональных данных от 27 апреля 2016 года, Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» и др.).

2. Законом предусматривается создание уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных (далее – уполномоченный орган), а также определяются его полномочия (статья 18 Закона).

Так, устанавливается, что уполномоченный орган осуществляет контроль за обработкой персональных данных операторами (уполномоченными лицами) в соответствии с законодательными актами; рассматривает жалобы субъектов персональных данных по вопросам обработки персональных данных; требует от операторов (уполномоченных лиц) изменения, блокирования или удаления недостоверных или полученных незаконным путем персональных данных, устранения иных нарушений данного Закона.

Конституционный Суд отмечает, что создание уполномоченного органа для защиты прав субъектов персональных данных отвечает положениям Конституции об обеспечении прав и свобод граждан как высшей цели государства (часть первая статьи 21), а также согласуется с требованиями Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 73/179 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» от 17 декабря 2018 года о необходимости рассмотрения государствами вопроса, связанного с принятием и обеспечением выполнения законодательства, норм регулирования и политики в области защиты данных, включая данные цифровой связи, которое соответствовало бы их обязательствам по международному праву в области прав человека, которые могут включать создание независимых национальных органов, наделенных полномочиями и ресурсами для наблюдения за практикой в области обеспечения конфиденциальности данных, расследования нарушений и злоупотреблений, получения информации от физических лиц и организаций и предоставления надлежащих средств правовой защиты (подпункт «g» пункта 6).

Такая же рекомендация по созданию национального органа содержится и в Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, в которых подчеркивается необходимость более надежной институциональной формы защиты персональных данных, с соблюдением баланса защиты в условиях их трансграничного обмена (глава 2).

3. Законом закрепляются требования к обработке персональных данных (статьи 4–9). В соответствии с пунктом 3 статьи 4 Закона обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных данным Законом и иными законодательными актами. В статье 6 Закона устанавливаются случаи, когда согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных не требуется, за исключением специальных персональных данных, порядок обработки которых установлен статьей 8 данного Закона, в пункте 2 статьи 8 – случаи, когда на обработку специальных персональных данных согласия субъекта персональных данных не требуется. Таким образом, Законом предусматриваются положения, которые в определенной мере ограничивают права и свободы физических лиц.

В ряде решений Конституционного Суда (от 8 июня 2018 г. № Р-1126/2018, от 27 декабря 2018 г. № Р-1162/2018, от 10 июля 2019 г. № Р-1188/2019 и др.) сформулированы правовые позиции по аналогичным вопросам о необходимости такого законодательного регулирования и соответствующей правоприменительной практики в сфере информационных отношений (в том числе порядка идентификации граждан), которые надежно обеспечивали бы их права и законные интересы, защиту персональных данных (в том числе сведений, составляющих личную, семейную и иную охраняемую законом тайну), исключая при этом действия с персональными данными, не обусловленные законодательно установленными целями их сбора, хранения и использования, правомерным исполнением функций органами, обладающими законными полномочиями на их сбор, хранение и использование.

Оценивая характер и пределы ограничений прав и свобод личности, предусматриваемых Законом, Конституционный Суд отмечает, что с учетом положений части первой статьи 23, статьи 28 и части третьей статьи 34 Конституции, устанавливающих законные основания вмешательства в личную жизнь граждан, рассматриваемые правоограничения при условии обеспечения защиты персональных данных от незаконного доступа иных лиц представляются допустимыми и соразмерными конституционно значимым целям, поскольку исходят из необходимости достижения оптимального и справедливого баланса публичных и частных интересов, в том числе между объективно обусловленным требованием точной идентификации пользователей и реализацией конституционной гарантии защиты сферы их личной жизни от противоправных посягательств.

4. Нормами Закона гарантируется право на обжалование действий (бездействия) и решений оператора, связанных с обработкой персональных данных. Так, согласно статье 15 Закона субъект персональных данных вправе обжаловать действия (бездействие) и решения оператора, нарушающие его права при обработке персональных данных, в уполномоченный орган в порядке, установленном законодательством об обращениях граждан и юридических лиц; принятое уполномоченным органом решение может быть обжаловано субъектом персональных данных в суд в порядке, установленном законодательством.

Конституционный Суд считает, что определяемый Законом порядок обжалования действий (бездействия) и решений оператора в сфере обработки персональных данных соответствует части первой статьи 40 Конституции, предусматривающей право каждого направлять личные или коллективные обращения в государственные органы, части первой статьи 60 Конституции о гарантированности каждому защиты его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки.

Исходя из анализа норм Закона, Конституционный Суд считает, что Закон устанавливает системное и комплексное регулирование важнейших общественных отношений, возникающих при обработке персональных данных физических лиц, имеет целью защиту конституционных прав и свобод человека, в том числе права на

защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь путем недопущения неправомерного использования персональных данных.

Конституционный Суд приходит к выводу, что по содержанию норм, форме акта и порядку принятия Закон соответствует Конституции.

Об официальном толковании пункта 2 статьи 15 Конституции Республики Казахстан

Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 15 декабря 2020 года № 4

Конституционный Совет Республики Казахстан в составе Председателя К.А. Мами, членов Совета А.К. Даулбаева, В.А. Малиновского, И.Д. Меркеля, Р.Ж. Мукашева, А.А. Темербекова и У. Шапак,

рассмотрел в открытом заседании обращение Президента Республики Казахстан К.К. Токаева о даче официального толкования пункта 2 статьи 15 Конституции Республики Казахстан.

Заслушав сообщение докладчика – члена Конституционного Совета Республики Казахстан А.К. Даулбаева, изучив материалы конституционного производства, заключения государственных органов, заключение эксперта – доктора юридических наук, профессора К.Ж.Балтабаева, проанализировав международный опыт, законодательство и практику отдельных зарубежных стран, Конституционный Совет Республики Казахстан

установил:

Президент Республики Казахстан направил обращение в Конституционный Совет Республики Казахстан о даче официального толкования пункта 2 статьи 15 Конституции Республики Казахстан. В обращении поставлены следующие вопросы:

«Обязывают ли конституционные положения пункта 2 статьи 15 Конституции Республики устанавливать в уголовном законе смертную казнь за все предусмотренные в них преступные деяния?

Возможна ли с позиции конституционных требований к кругу преступлений, за которые может применяться исключительная мера наказания, ратификация Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни, с допускаемой им оговоркой?».

При толковании рассматриваемой нормы Основного Закона применительно к предмету обращения Конституционный Совет исходит из следующего.

1. Конституция Республики Казахстан и международные акты признают право на жизнь в качестве основной ценности демократического общества, определяют его главенствующий статус и устанавливают обязательства государства по гарантированию данного права для всех людей без каких бы то ни было различий (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о правах ребенка и другие).

Согласно пункту 1 статьи 1 Конституции Республики человек, его жизнь, права и свободы являются высшими ценностями государства.

Пункт 2 статьи 15 Основного Закона предусматривает, что никто не вправе произвольно лишать человека жизни. Смертная казнь устанавливается законом как исключительная мера наказания за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время, с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании.

Конституционный Совет в нормативном постановлении от 30 января 2003 года № 10 разъяснил, что при толковании пункта 2 статьи 15 Конституции следует исходить из смысла и контекста этой нормы в структуре Конституции, расположенной в Разделе II «Человек и гражданин». Норму об исключительной мере наказания следует считать ограничительной, поскольку она распространяется лишь на особо тяжкие преступления, а не на преступления иной степени тяжести.

Конкретные составы особо тяжких преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь, определяются уголовным законодательством. При этом за особо тяжкие преступления в законе могут быть установлены и иные, кроме смертной казни, наказания.

Законом Республики Казахстан от 21 мая 2007 года «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» пункт 2 статьи 15 Конституции был изложен в следующей редакции:

«2. Никто не вправе произвольно лишать человека жизни. Смертная казнь устанавливается законом как исключительная мера наказания за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время, с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании.»

Конституционная реформа коснулась лишь сферы применения смертной казни, которая была значительно сужена – вместо особо тяжких преступлений предусмотрено установление данного вида наказания только за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время. Это дает основание полагать, что изложенные правовые позиции Совета сохраняют свою юридическую силу и должны применяться с учетом изменений в круге уголовно-наказуемых деяний, за которые устанавливается высшая мера наказания.

Конституционный Совет считает, что положения пункта 2 статьи 15 Конституции в части установления смертной казни за указанные в нем преступные деяния необходимо рассматривать во взаимной связи с нормой подпункта 1) пункта 3 статьи 61 Основного Закона, в соответствии с которым Парламент вправе издавать законы, которые регулируют важнейшие общественные отношения, устанавливают основополагающие принципы и нормы, касающиеся правосубъектности физических и юридических лиц, гражданских прав и свобод, обязательств и ответственности физических и юридических лиц. Данные полномочия, включающие определение категорий уголовных правонарушений, преступности и наказуемости деяний исходя из степени их общественной опасности и криминогенной ситуации в стране, охватывают и вопросы установления смертной казни за преступления, перечень которых определен в Конституции. С учетом этих факторов высший представительный орган, осуществляющий законодательную власть, в рамках конституционных требований и только в уголовном законе может определять необходимость установления смертной казни за преступления, предусмотренные в пункте 2 статьи 15 Основного Закона, в том числе сужения их круга. Это подтверждается и практикой развития уголовного законодательства страны, в котором не за все деяния, указанные в Конституции, устанавливалась смертная казнь.

2. В международном праве четко выражена тенденция к отмене смертной казни. Как равноправный член мирового сообщества Казахстан с самого начала учитывает ее при создании внутригосударственного права. В стратегических и программных документах уголовная политика была нацелена на ограничение числа преступлений, за совершение которых предусматривается смертная казнь. Об этом свидетельствуют введение пожизненного лишения свободы как ее альтернативы, моратория на исполнение смертной казни в 2003 году, существенная гуманизация уголовной политики посредством конституционной реформы 2007 года с последующим приведением в соответствие с ней уголовного законодательства, укрепление процессуальных гарантий при рассмотрении уголовных дел данной категории и другие. Таким образом, в Казахстане смертная казнь в течение довольно длительного времени не исполняется, что означает наличие сформировавшегося устойчивого правового режима неприменения исключительной меры наказания.

Очередной этап в последовательной реализации данного курса ознаменовало подписание Республикой Казахстан 23 сентября 2020 года Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни (далее – Второй Факультативный протокол).

В статье 1 данного международного акта сказано, что ни одно лицо, находящееся под юрисдикцией государства-участника настоящего Протокола, не подвергается смертной казни. Каждое государство-участник принимает все необходимые меры для отмены смертной казни в рамках своей юрисдикции.

Пункт 1 статьи 2 Второго Факультативного протокола закрепляет, что не допускается никаких оговорок к настоящему Протоколу, за исключением оговорки, сделанной в момент ратификации или присоединения, которая предусматривает применение смертной казни в военное время после признания вины в совершении наиболее тяжких преступлений военного характера, совершенных в военное время.

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 ноября 2020 года № 756 на рассмотрение Мажилиса Парламента Республики внесен проект Закона Республики Казахстан «О ратификации Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни», согласно которому предполагается ратификация данного международного акта со следующей оговоркой:

«Республика Казахстан в соответствии со статьей 2 Второго Факультативного протокола оставляет за собой право применения смертной казни в военное время после признания виновным в совершении особо тяжких преступлений военного характера, совершенных в военное время.»

В нормативном постановлении Конституционного Совета от 18 мая 2006 года № 2 отмечено, что ратификация международного договора является одним из способов выражения государством своего согласия на обязательность для него международного договора. В случае ратификации, Казахстан берет на себя обязательство привести в соответствие с Вторым Факультативным протоколом Уголовный кодекс и иные законы Республики.

Конституционный Совет считает, что положения пункта 2 статьи 15 Конституции в части круга уголовных правонарушений, за совершение которых может быть установлена смертная казнь, не являются препятствием для ратификации Второго Факультативного протокола. Законодатель в рамках Конституции и предоставляемой ею дискреции вправе с учетом сделанной оговорки принять законодательные меры по гармонизации уголовного закона с требованиями пункта 1 статьи 2 данного международного акта.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 4) пункта 1 статьи 72 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 1) пункта 3 статьи 17, статьями 31-33, 37 и подпунктом 2) пункта 1 статьи 41 Конституционного закона Республики Казахстан от 29 декабря 1995 года «О Конституционном Совете Республики Казахстан», пунктами 4-1 и 13 Регламента Конституционного Совета Республики Казахстан, применительно к предмету обращения, Конституционный Совет Республики Казахстан

постановляет:

1. Пункт 2 статьи 15 Конституции Республики Казахстан следует понимать так, что Парламент Республики Казахстан вправе в обозначенных его конституционными положениями рамках определять в уголовном законе конкретный перечень преступлений, за совершение которых устанавливается смертная казнь, и, при необходимости, сокращать круг входящих в него преступных деяний.

2. Нормы пункта 2 статьи 15 Конституции Республики Казахстан не препятствуют ратификации Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни, с допускаемой им оговоркой, и гармонизации уголовного законодательства с положениями пункта 1 статьи 2 данного международного акта.

3. В соответствии с пунктом 3 статьи 74 Конституции Республики Казахстан нормативное постановление вступает в силу со дня его принятия, является общеобязательным на всей территории Республики, окончательным и обжалованию не подлежит.

4. Опубликовать настоящее нормативное постановление на казахском и русском языках в официальных республиканских печатных изданиях.

«О проверке на соответствие Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам адвокатской деятельности и юридической помощи»

*Нормативное постановление Конституционного Совета
Республики Казахстан от 4 июня 2021 года № 1*

Конституционный Совет Республики Казахстан в составе Председателя К.А. Мами, членов Совета А.К. Даулбаева, В.А. Малиновского, И.Д. Меркеля, Р.Ж. Мукашева, А.А. Темербекова и У. Шапак с участием:

представителя Правительства Республики Казахстан – Министра юстиции Республики Казахстан М.Б. Бекетаева,

представителя Сената Парламента Республики Казахстан – депутата Сената Парламента Республики Казахстан А.И. Лукина,

представителя Мажилиса Парламента Республики Казахстан – Председателя Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе К.С. Мусина,

представителя Верховного Суда Республики Казахстан – судьи Верховного Суда Республики Казахстан С.А. Жармухамбетовой,

представителя Генеральной прокуратуры Республики Казахстан – Первого заместителя Генерального Прокурора Республики Казахстан Б.Н. Асылова,

представителя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан – заместителя Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан М.О. Колкобаева,

представителя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции – Первого заместителя Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции О.А. Бектенова,

представителя Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу – заместителя Председателя Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу Ж.Ф. Елемесова,

представителя Министерства внутренних дел Республики Казахстан – заместителя Министра внутренних дел Республики Казахстан К.И. Сунтаева,

Председателя Республиканской нотариальной палаты А.Б. Жанабилевой,

Председателя правления Республиканской палаты частных судебных исполнителей Республики Казахстан Е.Е. Ибраева,

представителей Республиканской коллегии адвокатов – адвокатов Д.К. Канафина и С.А. Мусина,

адвоката, члена коллегии адвокатов Алматинской области А.М. Умаровой,

адвоката, члена коллегии адвокатов Алматинской области Н.Д. Сихимбаева,
Председателя палаты юридических консультантов города Нур-Султана
А.А. Скакова,

Председателя Палаты юридических консультантов «Kazakhstan Bar Association» Ж.С. Елюбаева,

Председателя Палаты юридических консультантов «СТАТУС», Председателя совета Объединения юридических лиц «Казахстанская ассоциация палат юридических консультантов» Р.А. Джусангалиева,

Председателя палаты юридических консультантов города Алматы
Б.Е. Макулбаева,

Председателя палаты юридических консультантов Атырауской области
Н.А. Мубарака,

Председателя палаты юридических консультантов Павлодарской области
С.Т. Кайдаровой,

члена Правления палаты юридических консультантов Карагандинской
области А.В. Бочарова

рассмотрел в открытом заседании в режиме видеоконференцсвязи
обращение Президента Республики Казахстан К.К. Токаева о проверке на
соответствие Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О
внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики
Казахстан по вопросам адвокатской деятельности и юридической помощи».

Заслушав сообщение докладчика – члена Конституционного Совета
Республики Казахстан И.Д. Меркеля, выступления участников заседания, экспертов
– доктора юридических наук, профессора С.Т. Тыныбекова и юриста Б.А. Раисову,
ознакомившись с заключениями экспертов – доктора PhD, адвоката Коллегии
адвокатов города Нур-Султана А.М. Когамова и кандидата юридических наук,
доцента Р.М. Жамиевой, изучив заключения Республиканской коллегии адвокатов,
Республиканской палаты частных судебных исполнителей, Института
законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Казахского
национального университета имени аль-Фараби, Карагандинского университета
имени академика Е.А. Букетова, Каспийского университета, Института
законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской
Федерации, инициативные заключения ряда адвокатов, юридических консультантов,
их палат и ассоциаций, другие материалы конституционного производства,
проанализировав законодательство и практику отдельных зарубежных стран,
Конституционный Совет Республики Казахстан

установил:

Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в
некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам адвокатской
деятельности и юридической помощи» принят Парламентом Республики 8 апреля
2021 года и представлен на подпись Главе государства 13 апреля 2021 года.

В соответствии с подпунктом 2) пункта 1 статьи 72 Конституции Президент
Республики Казахстан направил в Конституционный Совет обращение о
рассмотрении названного закона на предмет его соответствия Конституции
Республики.

При проверке конституционности указанного закона Конституционный Совет
исходит из следующего.

1. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в
некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам адвокатской
деятельности и юридической помощи» (далее – Закон) направлен на

совершенствование законодательного регулирования механизмов и гарантий реализации и защиты ряда конституционных прав и свобод человека и гражданина в рамках дальнейшей модернизации правоохранительной системы, в том числе в связи с углублением применения цифровых технологий при оказании государственных услуг и отправлении отдельных видов государственной деятельности (уголовное преследование, правосудие и другие). Он предусматривает внесение поправок в три кодекса и шесть законов: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан, Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан и Законы Республики Казахстан «О нотариате», «О некоммерческих организациях», «О национальных реестрах идентификационных номеров», «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей», «О Фонде компенсации потерпевшим» и «Об адвокатской деятельности и юридической помощи».

Парламент вправе устанавливать законами основополагающие принципы и нормы, касающиеся правосубъектности физических и юридических лиц, гражданских прав и свобод, обязательств и ответственности физических и юридических лиц, а также режима собственности и иных вещных прав, вопросов судоустройства и судопроизводства (подпункты 1), 2) и 6) пункта 3 статьи 61 Конституции).

2. Право на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленное в пункте 3 статьи 13 Конституции, предполагает возможность каждого лица при совершении им юридически значимых действий пользоваться профессиональной помощью высоко квалифицированных юристов. Публично-правовое значение квалифицированной юридической помощи заключается также и в том, что она тесно связана с реализацией права на судебную защиту и принципов правосудия, закрепленных в Основном Законе.

В итоговых решениях Конституционного Совета подчеркивалось, что возведение конкретной разновидности прав или свобод до конституционного уровня и объявление в Конституции о его гарантированности означает, что государство возлагает на себя обязанность обеспечить реализацию этих прав и свобод (нормативные постановления от 12 марта 1999 года № 3/2, от 20 апреля 2004 года № 3, от 29 апреля 2005 года № 3).

Выполняя свои обязательства в этой сфере, государство должно принимать необходимые меры нормативно-правового, организационного и иного характера с целью создания надлежащих условий, как для гарантирования указанного права индивида, так и обеспечения эффективности деятельности лиц, призванных оказывать квалифицированную юридическую помощь. Следовательно, Парламент Республики вправе определять конкретные модели правового регулирования системы оказания юридической помощи, а для лиц, желающих осуществлять такую деятельность публично-правового характера, – обязательные требования, условия и ограничения.

Законодательные меры могут регламентировать правовой статус, организацию и предметы ведения таких негосударственных институтов как адвокатура, нотариат и другие, которые на профессиональной основе осуществляют юридическую деятельность в целях защиты и реализации прав человека. При этом пределы усмотрения законодателя не безграничны, а должны быть нацелены на обеспечение разумного баланса частных и публичных интересов, государственного регулирования и саморегулирования, оптимального сочетания диспозитивного и императивного методов с учетом роли и принципов работы юристов в соответствующих видах судопроизводства, правового положения коллегий адвокатов, нотариальных палат и палат юридических консультантов как профессиональных, самоуправляемых и самофинансируемых некоммерческих организаций и других факторов.

Данные правовые позиции Конституционного Совета основаны также и на положениях общепризнанных международных актов.

Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 16 декабря 1966 года и ратифицированном Законом Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года, определено, что каждое участвующее в настоящем Пакте Государство обязуется: обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты; обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты (подпункты а) и б) пункта 3 статьи 2).

В соответствии с Основными принципами, касающимися роли юристов, принятыми Восьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, для обеспечения надлежащей защиты прав и основных свобод человека, пользоваться которыми должны все люди, необходимо, чтобы все люди действительно имели доступ к юридическим услугам, предоставляемым независимыми профессиональными юристами. Правительства обеспечивают эффективные процедуры и гибкие механизмы эффективного и равного доступа к юристам для всех лиц, находящихся на их территории и подпадающих под их юрисдикцию (преамбула, пункт 2).

3. Адвокатура в Республике Казахстан призвана содействовать реализации гарантированных государством и закрепленных Конституцией Республики прав человека на судебную защиту своих прав, свобод и получение юридической помощи, а также содействовать мирному урегулированию спора (пункт 1 статьи 31 Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» (далее – Закон об адвокатской деятельности и юридической помощи).

Конституционный Совет неоднократно разъяснял, что конституционно-правовая задача оказания квалифицированной юридической помощи является обязанностью, главным образом, адвокатов. Конституция возлагает на адвокатов особую обязанность по оказанию квалифицированной юридической помощи как физическим, так и юридическим лицам, а на государство – по обеспечению конституционного права каждого на такую помощь (нормативные постановления от 2 июля 1999 года № 12/2 и от 20 августа 2009 года № 5).

Законом предусмотрены изменения и дополнения, касающиеся вопросов оказания адвокатами юридической помощи, в том числе гарантированной государством, требований к адвокатам, оснований для лишения лицензии на занятие адвокатской деятельностью, организации и деятельности органов адвокатского сообщества, и другие.

Исключение нормы о пожизненном запрете на занятие адвокатской деятельностью для лиц, лишенных лицензии по основаниям, предусмотренным подпунктами 1) и 2) пункта 4 статьи 44 Закона об адвокатской деятельности и юридической помощи, согласуется с положениями статьи 39 Конституции, устанавливающей условия и пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Дополнение подпункта 2) пункта 4 статьи 44 Закона об адвокатской деятельности и юридической помощи требованием о проведении аттестации для установления невозможности исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей вследствие недостаточной квалификации усиливает гарантии защиты

его прав от необоснованного лишения права заниматься профессиональной деятельностью.

В рамках дискреционных полномочий Парламента в законодательном регулировании вопросов, указанных в подпункте 1) пункта 3 статьи 61 Основного Закона, приняты нормы, касающиеся уточнения порядка заключения договора об оказании юридической помощи, правового статуса органов коллегии адвокатов, установления категорий лиц, пользующихся льготами при уплате членских и целевых взносов, увеличения сроков избрания адвокатов на позиции председателя и члена президиума, сроков полномочий ревизионных и дисциплинарных комиссий (подпункты 2), 7), 13)-16), 19), 25) и 26) пункта 9 статьи 1 Закона).

Законом до 1 января 2026 года приостанавливается действие подпункта 22) части второй пункта 2 статьи 67 Закона об адвокатской деятельности и юридической помощи, согласно которому Республиканская конференция коллегий адвокатов определяет размер и порядок взносов, осуществляемых коллегиями адвокатов на общие нужды Республиканской коллегии адвокатов. До наступления указанной даты размер и порядок осуществления таких взносов также определяется Республиканской конференцией коллегий адвокатов, при этом размер ежемесячных взносов должен исчисляться за каждого адвоката и составлять не менее одного месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете на соответствующий финансовый год.

По мнению инициаторов законопроекта и уполномоченного органа, данная мера направлена на укрепление материально-технической базы и усиление возможностей Республиканской коллегии адвокатов, которая в качестве организации адвокатского самоуправления создана в целях представительства и защиты интересов коллегий адвокатов и адвокатов в государственных и иных организациях в Республике Казахстан и за ее пределами, координации деятельности коллегий адвокатов, обеспечения высокого уровня оказываемой адвокатами юридической помощи (пункт 2 статьи 65 Закона об адвокатской деятельности и юридической помощи).

Конституционный Совет признает такое временное регулирование допустимым с учетом организационно-правовой формы коллегий адвокатов и их обязательного членства в Республиканской коллегии адвокатов, а также состояния развития адвокатуры на нынешнем этапе развития правовой государственности. Надлежащее решение задач, стоящих перед Республиканской коллегией адвокатов, наряду с другими гарантиями, требует наличия адекватного финансового, кадрового и иного обеспечения.

Ряд новелл связан с внедрением единой информационной системы юридической помощи, в частности, при организации участия адвокатов в оказании гарантированной государством юридической помощи, выборе адвокатов для оказания квалифицированной юридической помощи по назначению государственных органов и судов, ведении реестра адвокатов, отчетности адвокатов и их коллегий и другие (подпункты 4), 5) и 17) пункта 9 статьи 1 Закона). В том смысле и назначении, форме использования, в каких они устанавливаются соответствующими нормами Закона, они не посягают на принципы организации адвокатуры как важного института гражданского общества и оказания квалифицированной юридической помощи. Данная электронная система носит вспомогательное информационно-технологическое назначение и направлена на автоматизацию деятельности адвокатов, их коллегий, системы администрирования, обеспечение прозрачности и создание удобств для населения. Объекты информатизации единой информационной системы юридической помощи, передаваемые в доверительное управление Республиканской коллегии адвокатов в порядке, установленном Законом Республики Казахстан «О государственном

имуществе», будут находиться в государственной собственности, так как предполагается их интеграция с другими государственными базами данных и информационными системами государственных органов, затрагивающими конституционные права человека. Закон предусматривает такой же механизм и в отношении Республиканской нотариальной палаты и Республиканской палаты частных судебных исполнителей, в доверительное управление которых передаются соответственно Единая нотариальная информационная система и Государственная автоматизированная информационная система исполнительного производства (подпункт 2) пункта 4 и пункт 7 статьи 1).

Данный подход по внедрению инструментов цифровизации в деятельность указанных некоммерческих организаций и их членов не нарушает требования и пункта 4 статьи 26 Конституции, поскольку деятельность адвокатуры, как и нотариата и частных судебных исполнителей, не является предпринимательской. Конституционный Совет полагает, что с учетом публично-правовой составляющей предназначения этих правозащитных институтов, наличия существенного государственного интереса к надлежащему функционированию и работе государственных информационных систем, их интеграции между собой, защите персональных данных, системному поэтапному переводу отдельных сфер на цифровой формат, активного содействия государства, особенно на начальных этапах, обеспечению должной технологической оснащенности, принятые в этой части законодательные новеллы нельзя считать приводящими к чрезмерной монополизации и развитию недобросовестной конкуренции.

4. Юридические консультанты и их объединения в принципах организации и деятельности, закрепленных Законом об адвокатской деятельности и юридической помощи, имеют много общего с институтом адвокатуры. Оказываемые ими юридические услуги по своему объему и характеру сопоставимы с юридической помощью адвокатов, с некоторыми исключениями (категории дел и другие). Поэтому обозначение в общем для них профильном законе важной миссии юридических консультантов в реализации положений пункта 3 статьи 13 Конституции, отнесение их к квалифицированным субъектам, обеспечивающим высокий уровень юридической помощи, с установлением специальных требований и процедур для вхождения в профессию, механизмов регулирования и контроля, являются обоснованными и относятся к компетенции законодателя.

В Законе проводится линия по дальнейшему усилению роли и ответственности юридических консультантов в оказании квалифицированной юридической помощи населению, особенно, при осуществлении представительства в судах, путем распространения на них некоторых требований, условий и инструментов адвокатов (гарантии деятельности, помощники, тайна юридического консультанта и другие).

Учитывая публично-правовое значение деятельности по реализации права на квалифицированную юридическую помощь, ее взаимосвязь с правосудием, долю участия юридических консультантов на рынке юридических услуг, Конституционный Совет полагает, что такое правовое регулирование является допустимым и согласуется с конституционными требованиями.

5. Конституционный Совет проверил конституционность и других положений Закона.

Поправками, вносимыми в Уголовно-процессуальный кодекс, меняется правовое положение и усиливаются гарантии защиты прав и свобод свидетеля, имеющего право на защиту. Законом он относится к участникам процесса, защищающим свои или представляемые права и интересы (подпункты 1), 2), 5) и 8) пункта 1 статьи 1 Закона). Такая регламентация направлена на придание более точного процессуального статуса лицу, в отношении которого имеется

предположение о совершении им уголовного правонарушения, с момента его вовлечения в орбиту досудебного расследования, на реализацию и защиту его конституционных прав, что согласуется с пунктами 1 и 3 статьи 13 и подпунктом 1) пункта 3 статьи 77 Основного Закона.

Законом уточнены и расширены права защитников (адвокатов) по оказанию квалифицированной юридической помощи своим подзащитным путем допуска к участию при объявлении подозреваемому постановлений о признании подозреваемым, квалификации деяния подозреваемого, установления перечня ключевых процессуальных актов и решений, с которыми может знакомиться (получить копии) защитник в ходе досудебного расследования (подпункт 7) пункта 1 статьи 1 Закона).

В Уголовно-процессуальном кодексе более детально урегулированы порядок реализации полномочий адвоката по опросу лица, предположительно владеющего информацией, относящейся к уголовному делу, и направлению запроса о производстве судебной экспертизы (подпункты 14) и 19) пункта 1 статьи 1 Закона).

Перечисленные и другие изменения и дополнения в уголовно-процессуальное законодательство Республики наполняют новым содержанием некоторые полномочия адвоката, что, по мнению Конституционного Совета, будет способствовать обеспечению равноправия сторон обвинения и защиты, развитию состязательности и других принципов уголовного судопроизводства.

Согласно пункту 3 статьи 13 Конституции в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Во исполнение данного конституционного положения внесено дополнение в Уголовно-исполнительный кодекс, наделяющее осужденного правом получения квалифицированной юридической помощи и в рамках оказания гарантированной государством юридической помощи, а также при подготовке документов, представляемых в ходе исполнения приговоров и постановлений судов (пункт 2 статьи 1 Закона).

Процедура принятия рассматриваемого Закона соответствует положениям Конституции Республики. Законопроект на основании пункта 1 статьи 61 Конституции был внесен группой депутатов в Мажилис Парламента и путем последовательного рассмотрения в каждой из его Палат принят с соблюдением требований пунктов 3-5 статьи 61 Основного Закона.

Таким образом, Конституционный Совет считает, что рассматриваемый Закон соответствует Конституции Республики Казахстан.

6. Признавая конституционность Закона, Конституционный Совет обращает внимание на недостаточную четкость изложения и несогласованность отдельных его положений со смежными нормами, которые могут создавать условия для их неоднозначного понимания и ненадлежащего применения.

6.1. Глава 5 Закона об адвокатской деятельности и юридической помощи дополнена отдельной статьей 77-2 «Тайна юридического консультанта», которая имеет много общего со статьей 37 «Адвокатская тайна».

В пункте 3 новой статьи закреплено, что «за разглашение сведений, относящихся к тайне юридического консультанта, без согласия лица, обратившегося за помощью, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Республики Казахстан, лица, указанные в пункте 2 настоящей статьи, несут ответственность в соответствии с законами Республики Казахстан».

Из содержания данных положений следует, что исключения из обязанности хранить тайну юридического консультанта могут устанавливаться не только законами, но и нормативными правовыми актами меньшей юридической силы.

В нормативном постановлении от 20 августа 2009 года № 5 Конституционный Совет указал, что фундаментальной основой права на получение квалифицированной юридической помощи в части взаимоотношений адвоката и

гражданина является взаимное доверие сторон, когда клиент сообщает лицу, не связанному с ним кровно-родственными и иными близкими отношениями, какие-либо сведения о себе с уверенностью, что они не станут известны третьим лицам и не будут обращены ему во вред.

Конституционный Совет полагает, что данная правовая позиция относится и к юридическим консультантам, обязанность которых по хранению профессиональной тайны направлена на обеспечение конституционных прав каждого на неприкосновенность достоинства, частной жизни, личную и семейную тайну и другие. Вопросы установления исключений затрагивают существо данных прав человека, влияют на степень их полноценной реализации и, соответственно, должны, по аналогии с адвокатами, регулироваться только законами.

6.2. Такое основание для лишения адвоката лицензии в судебном порядке по иску лицензиара как невозможность исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей вследствие недостаточной квалификации дополнено положением – «, установленной по результатам аттестации, проведенной коллегией адвокатов в соответствии с подпунктом 8) пункта 2 статьи 55 настоящего Закона;» (подпункт 10) пункта 9 статьи 1 Закона).

Вместе с тем, аналогичное основание для прекращения президиумом коллегии адвокатов членства адвоката в коллегии адвокатов содержится в подпункте 3) пункта 1 статьи 60 Закона об адвокатской деятельности и юридической помощи. При этом для принятия такого решения данная статья не предусматривает процедуру аттестации.

Из взаимосвязанных законодательных положений подпункта 2) пункта 4 статьи 44 в новой редакции и подпунктов 1) и 3) пункта 1 и пункта 2 статьи 60 Закона об адвокатской деятельности и юридической помощи невозможно четко установить процедуру лишения лицензии и последовательность указанных действий.

6.3. Закон впервые предусматривает создание Республиканской коллегии юридических консультантов как некоммерческой организации, основанной на добровольном членстве палат юридических консультантов, представляющих не менее двух третей областей, городов республиканского значения и столицы (подпункт 29) пункта 9 статьи 1 Закона).

Законом определяется, что съезд Республиканской коллегии юридических консультантов определяет размер и порядок осуществления ежемесячных взносов, отчисляемых палатами юридических консультантов на общие нужды Республиканской коллегии. Однако, по аналогии с адвокатами, действие данной нормы приостанавливается до 1 января 2026 года. До наступления указанной даты размер и порядок осуществления этих взносов также определяется съездом Республиканской коллегии юридических консультантов, при этом размер взносов должен исчисляться за каждого юридического консультанта и составлять не менее одного месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете на соответствующий финансовый год.

Конституционный Совет полагает, что реализация указанной и других предусмотренных Законом мер государственного регулирования может быть оправданной, если они касаются всего сообщества юридических консультантов (как это делается в отношении адвокатов), способствуют повышению качества оказываемой ими юридической помощи и не создают условий для нарушения равенства среди представителей одной сферы деятельности.

6.4. Из перечня видов юридической помощи, оказываемой адвокатами, исключена выдача справок по правовым вопросам, как в устной, так и в письменной форме. Между тем, в Уголовно-исполнительном кодексе сохранено право осужденных на получение квалифицированной юридической помощи в виде справок,

в том числе в рамках оказания гарантированной государством юридической помощи (пункт 2 и подпункт 11) пункта 9 статьи 1 Закона).

Закон об адвокатской деятельности и юридической помощи является законодательным актом, устанавливающим основные принципы, формы и виды юридической помощи. Смежные законы, регулирующие адвокатскую деятельность, должны корреспондироваться с требованиями профильного закона.

6.5. Пункт 2 статьи 2 Закона об адвокатской деятельности и юридической помощи изложен в следующей редакции:

«2. Юридическая помощь оказывается в соответствии с нормами настоящего Закона и с учетом особенностей, установленных законодательством Республики Казахстан.».

В то же время в понятийном аппарате данного закона под юридической помощью понимается «деятельность, направленная на обеспечение реализации закрепленного пунктом 3 статьи 13 Конституции Республики Казахстан права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе с использованием специальных юридических знаний и навыков, в порядке, установленном настоящим Законом и иными законами Республики Казахстан» (подпункт 3) статьи 1).

Конституционный Совет, не подвергая сомнению включение в состав законодательства об адвокатской деятельности и юридической помощи и подзаконных нормативных правовых актов, все же полагает, что указанные законодательные положения должны быть внутренне согласованы и не создавать условий для различного толкования. Особенности оказания юридической помощи, устанавливаемые на подзаконном уровне, не должны посягать на суть основополагающих принципов и норм, закрепленных в законе, а такие правовые акты должны издаваться на основе и (или) во исполнение и (или) для дальнейшей реализации законодательных актов, принятых в этой сфере.

В ряде своих решений Конституционный Совет подчеркивал, что закон должен соответствовать требованиям юридической точности и предсказуемости последствий, то есть его нормы должны быть сформулированы с достаточной степенью четкости и основаны на понятных критериях, исключающих возможность произвольной интерпретации положений закона (нормативные постановления от 27 февраля 2008 года № 2, от 11 февраля 2009 года № 1, от 7 декабря 2011 года № 5, от 18 мая 2015 года № 3, от 21 января 2020 года № 1 и другие). Поэтому в целях обеспечения правовой определенности Конституционный Совет полагает необходимым законодательное уточнение вышеуказанных норм в рамках текущей законотворческой деятельности.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 2) пункта 1 статьи 72 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 1) пункта 2 статьи 17, статьями 31-33, 37, 38 и подпунктом 2) пункта 1 статьи 41 Конституционного закона Республики Казахстан от 29 декабря 1995 года «О Конституционном Совете Республики Казахстан», Конституционный Совет Республики Казахстан

постановляет:

1. Признать Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам адвокатской деятельности и юридической помощи», принятый Парламентом Республики Казахстан 8 апреля 2021 года и представленный на подпись Президенту Республики Казахстан 13 апреля 2021 года, соответствующим Конституции Республики Казахстан.

2. Обратить внимание законодателя на необходимость принятия дополнительных законодательных мер с учетом правовых позиций Конституционного Совета, содержащихся в настоящем нормативном постановлении.

3. В соответствии с пунктом 3 статьи 74 Конституции Республики Казахстан нормативное постановление вступает в силу со дня его принятия, является общеобязательным на всей территории Республики, окончательным и обжалованию не подлежит.

4. Опубликовать настоящее нормативное постановление на казахском и русском языках в официальных республиканских печатных изданиях.

**ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОЙ ПАЛАТЫ ВЕРХОВНОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

по делу о проверке конституционности нормативного положения части 1 статьи 268 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженного словами «вынесенного по существу дела», в связи с обращением Исаева Кайбидина Турганбаевича

17 марта 2021 года

город Бишкек

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего - Дуйшеева К.А., судей Бобукеевой М.Р., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Осмонбаева Э.Ж., Саалаева Ж.И., Шаршеналиева Ж.А., при секретаре Джолгокпаевой С.А., с участием:

стороны-ответчика – Букашева Мирлана Абылбековича, Кайратбекова Адилета Кайратбековича, представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по доверенности;

иного лица – Исакова Эркина Бакбуровича, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 6 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 18, 19, 37 и 42 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», рассмотрела в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности нормативного положения части 1 статьи 268 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженного словами «вынесенного по существу дела».

Поводом к рассмотрению данного дела явилось ходатайство Исаева К.Т.

Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики нормативное положение части 1 статьи 268 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженное словами «вынесенного по существу дела».

Заслушав информацию судьи-докладчика Осмонбаева Э.Ж., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и исследовав представленные материалы, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

у с т а н о в и л а :

В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики 14 сентября 2020 года поступило ходатайство Исаева К.Т. о проверке соответствия нормативного положения части 1 статьи 268 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – АПК), выраженного словами «вынесенного по существу дела», пункту 8 части 5 статьи 20, частям 1, 2 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из содержания ходатайства, постановлением мэрии города Бишкек Исаеву К.Т. во временное пользование был предоставлен земельный участок, который в последующем мэрией был передан ему в частную собственность.

Заявитель в своем обращении указывает, что Кыргызская государственная медицинская академия им. И.К. Ахунбаева в 2019 году обратилась с административным иском к мэрии города Бишкек о признании недействительным

вышеуказанных постановлений мэрии города Бишкек, в котором заявитель являлся третьей стороной.

Субъект обращения отмечает, что, наряду с вышеуказанным иском, на основании части 2 статьи 110 АПК дополнительно поступило ходатайство о восстановлении пропущенного срока. Указанное ходатайство определением Межрайонного суда города Бишкек было удовлетворено.

Далее Исаев К.Т. указывает, что данное определение было рассмотрено и оставлено в силе Бишкекским городским судом и Верховным судом Кыргызской Республики.

Ввиду того, что Исаев К.Т. являлся третьей стороной по данному делу, его представителем было подано заявление в суд первой инстанции о пересмотре вступившего в законную силу определения суда первой инстанции о восстановлении пропущенного срока по вновь открывшимся обстоятельствам. По мнению заявителя, Кыргызская государственная медицинская академия им. И.К. Ахунбаева ввела в заблуждение суды трех инстанций, ссылаясь на то, что узнала об оспариваемых постановлениях мэрии города Бишкек в мае 2019 года из ответа Центрального государственного архива Кыргызской Республики. При этом Исаев К.Т. указывает, что, поскольку Кыргызская государственная медицинская академия направила копии иска по неверному его адресу, он не смог надлежащим образом защитить свои права и интересы в суде первой инстанции.

Суд первой инстанции, изучив заявление Исаева К.Т., пояснения сторон, а также представленные им документы, удовлетворил заявление и отменил определение о восстановлении пропущенного срока.

Заявитель указывает, что Кыргызская государственная медицинская академия им. И.К. Ахунбаева, не согласившись с данным определением, подала частную жалобу в порядке апелляции, где суд апелляционной инстанции отменил определение Административного суда города Бишкек, обосновав тем, что заявления по вновь открывшимся обстоятельствам подаются на судебные решения, вынесенные по существу спора.

Исаев К.Т. считает, что нормативное положение части 1 статьи 268 АПК, выраженное словами «вынесенного по существу дела», противоречит пункту 8 части 5 статьи 20, частям 1, 2 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики.

По мнению заявителя, институт «пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам» создан для того, чтобы стороны по делу, то есть физические и юридические лица могли беспрепятственно получать доступ к судебной защите, а также защищать свои права и интересы всеми способами, даже путем пересмотра судебных актов, которые вступили в законную силу. Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам дополнительно выступает гарантом законности и обоснованности принятого судебного акта, так как суд дает оценку тем доказательствам, которые известны суду на тот период времени. Соответственно, при пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам суд может исправить ошибки, допущенные при вынесении первоначального судебного акта.

В связи с чем, Исаев К.Т. считает, что судебные акты, вынесенные не по существу спора, также могут быть ошибочными, что ставит под сомнение законность и обоснованность принятого судебного акта.

Субъект обращения ссылается на пункт 8 части 5 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики, который устанавливает запрет на ограничение права на судебную защиту.

Исаев К.Т. указывает в своем обращении, что гарантия судебной защиты означает, с одной стороны, право каждого подать жалобу или заявление в соответствующий суд, и с другой - обязанность последнего рассмотреть эту жалобу

или заявление и принять по ней законный, справедливый и обоснованный судебный акт.

Заявитель ссылается на часть 3 статьи 99 Конституции, которая устанавливает, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а также статью 8 Всеобщей декларации прав человека, которая указывает, что каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом.

Кроме того, субъект обращения отмечает, что вышеуказанная норма Конституции гарантирует гражданам эффективное восстановление нарушенных прав и интересов, что соответствует требованиям международных стандартов по защите прав человека. Однако оспариваемое нормативное положение АПК не соответствует требованиям пункта 8 части 5 статьи 20 Конституции, поскольку ограничивает права граждан на судебную защиту ввиду того, что пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам возможен только по существу дела. По мнению заявителя, предметом пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам также может быть определение о восстановлении пропущенного срока, которым нарушаются права и свободы человека и гражданина.

В соответствии с частью 1 статьи 16 Конституции права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Права и свободы человека относятся к высшим ценностям Кыргызской Республики. Они действуют непосредственно, определяют смысл и содержание деятельности всех государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Кроме того, Исаев К.Т. отмечает, что оспариваемое нормативное положение нарушает требования части 2 статьи 40 Конституции, поскольку вводит запрет на подачу заявлений по вновь открывшимся обстоятельствам на судебные акты, вынесенные не по существу спора, которые также могут быть приняты с нарушениями. Указанное, по мнению Исаева К.Т., является необоснованным, незаконным и несправедливым фактом, что в свою очередь ставит под сомнение объективность отправления правосудия судами.

На основании изложенного, заявитель просит признать оспариваемое нормативное положение, выраженное словами «вынесенного по существу дела», противоречащим Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционной палаты от 20 октября 2020 года ходатайство было принято к производству.

Исаев К.Т. обратился с заявлением о рассмотрении дела без его участия. Представители стороны-ответчика не возражали против рассмотрения дела в отсутствие обращающейся стороны.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, рассмотрев заявление Исаева К.Т., считает возможным рассмотрение дела без его участия.

В судебном заседании представитель стороны-ответчика заявил о несостоятельности доводов обращающейся стороны.

Из смысла норм АПК вновь открывшиеся обстоятельства представляют собой такие обстоятельства, которые не были и не могли быть известны во время рассмотрения дела лицу, участвовавшему в деле, заявившему об этом впоследствии, а также суду, рассматривавшему дело (часть 2 статьи 268 АПК). Отличительным признаком вновь открывшихся обстоятельств является их возникновение после рассмотрения дела по существу и вынесения судебного акта. Правовым следствием возникновения вновь открывшихся обстоятельств является пересмотр судебных решений, вынесенных по существу дела.

Представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики также указывает, что специфика норм института пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам выражается в том, что он регулирует правоотношения по пересмотру судебных актов по фактическим обстоятельствам, а не по основаниям неправильного применения норм закона. Законность судебного акта в данном правовом институте становится зависимой от изменяющихся фактических обстоятельств в связи с возникновением вновь открывшихся обстоятельств. Содержание этого института выражается в переоценке фактических обстоятельств материально-правового отношения с позиции того, могут ли вновь открывшиеся обстоятельства повлиять на сделанные судом правовые выводы по ранее установленным в судебном заседании обстоятельствам.

Букашев М.А. отмечает, что суд в данном институте не пересматривает вынесенные по делу судебные акты с позиции их законности и обоснованности применительно к фактическим обстоятельствам материально-правового отношения, поскольку эти задачи реализуются в иных производствах: апелляционном, кассационном. Нормы института пересмотра административного дела по вновь открывшимся обстоятельствам не основаны на необходимости устранения, допущенной судом ошибки в применении и толковании норм закона.

Существо анализируемого института выражается в том, что сторона материально-правового отношения не исполнила в процессе процессуальную обязанность по представлению доказательств не из-за небрежности или злоупотребления процессуальными правами, а в силу неосведомленности о существовании имеющих правовое значение обстоятельствах этого правоотношения.

Только по этой причине сторона не предоставила суду доказательства в обоснование заявленных требований или в их опровержение в целях защиты прав и исполнения действительных обязанностей, вытекающих из этих обстоятельств. Этот же мотив побуждает сторону обратиться в суд с заявлением о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, когда указанные обстоятельства в силу их существенности влияют на содержание прав и обязанностей участников материальноправового отношения.

Представитель стороны - ответчика указывает, что порядок пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов, вступивших в законную силу, вынесенного по существу дела, представляет собой исключительную стадию административного, гражданского процесса. По своему предназначению и содержанию пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов, вступивших в законную силу, вынесенного по существу дела, используемый в случаях, когда неприменимы или исчерпаны все другие средства процессуально-правовой защиты, призван гарантировать справедливость судебных актов как необходимое условие судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, а также поддержания баланса таких ценностей, как справедливость и стабильность судебных актов.

На основании вышеизложенного, Букашев М.А. считает, что оспариваемое нормативное положение АПК не противоречит Конституции Кыргызской Республики.

Второй представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики: Кайратбеков А.К., поддержал доводы Букашева М.А.

Согласно письменной позиции постоянного представителя Президента Кыргызской Республики в Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики Жусупова М.К. право на судебную защиту гарантируется Конституцией и принятыми в развитие конституционных норм нормативными правовыми актами, одним из которых является АПК.

Гарантируемая Конституцией судебная защита, конечным результатом которой является вынесение справедливого решения, не может быть признана полной и эффективной, если установленное правовое регулирование не предоставляет возможность пересмотра судебного акта ввиду возникновения существенных обстоятельств, о которых суд при вынесении решения не знал или не мог знать по независящим от него объективным причинам. В этой связи положения пункта 3 части 5 статьи 20 Конституции предусматривают правовые механизмы пересмотра, вступившего в законную силу судебного решения.

Одним из таких правовых инструментов является институт пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. Рассматриваемый институт представляет собой процессуальный элемент механизма защиты субъективных прав, который, помимо устранения судебных ошибок, позволяет установить истину по делу, восстановить нарушенное право.

Вместе с тем, согласно пунктам 1 и 2 статьи 248 вышеуказанного Кодекса кассационная жалоба (представление) может быть подана в течение трех месяцев со дня вынесения судебного акта апелляционной инстанцией, если иное не предусмотрено законом. В случае обжалования судебного акта апелляционной инстанцией, принятого не по существу спора, кассационная жалоба подается в месячный срок, пропущенный срок на подачу кассационной жалобы может быть восстановлен судом кассационной инстанции в порядке, предусмотренном статьей 103 АПК, при условии наличия уважительных причин, признанных судом. Восстановление либо отказ в восстановлении процессуального срока должен быть мотивированным в определении, которое может быть обжаловано.

Жусупов М.К. отмечает, что рассмотрение дела по существу — это главный этап судебного разбирательства. Тем не менее, необходимость защиты прав и свобод человека и гражданина путем реализации права на судебную защиту требует соблюдения баланса между преюдициальностью судебных актов, с одной стороны, и необходимостью устранения ошибочных судебных актов в целях защиты нарушенных прав и свобод, с другой.

Пределы действия преюдициальности судебных актов предполагают возможность пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам как одного из способов, имеющих исключительный характер, поскольку направлен на выявление существенных и неопровержимых обстоятельств дела, способствующих установлению правовой определенности в конкретном случае. Спецификой данной стадии является ее нацеленность именно на отмену решения, вступившего в законную силу. Заявление о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам имеет целью воздействовать именно на существо решения, добиться иного решения по существу дела.

Установление процедур и условий реализации вышеназванного института является исключительной прерогативой государства, которому принадлежит решающая роль в формировании права, определяющего и устанавливающего соответствующие механизмы регулирования.

Постоянный представитель Президента обозначает, что уголовнопроцессуальное законодательство по аналогичной норме права, допускает применение понятия «по существу дела» в числе оснований для пересмотра дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (статья 442 УПК КР) что, в полной мере защищает права граждан, как обвиняемых, так и потерпевших.

Однако в административном процессе понятие «по вступившему в законную силу судебному решению» дополнено нормой «вынесенного по существу дела», что, возможно, является препятствием к судебной защите и противоречит задачам и принципам административного судопроизводства для объективного и справедливого разрешения дела.

На основании вышеизложенного Жусупов М.К. считает, что часть 1 статьи 268 АПК не в полной мере соответствует гарантиям судебной защиты.

Представитель Верховного суда Кыргызской Республики Искаков Э.Б. также выразил мнение о конституционности оспариваемого нормативного положения.

Искаков Э.Б. отмечает, что Конституция гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, общепризнанными принципами и нормами международного права (часть 1 статьи 40).

Из смысла оспариваемой статьи АПК следует, что объектом пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам могут быть только решения судов, вынесенные по существу дела. Необходимость внесения данной меры исходила из судебной практики, так как отсутствие такого ограничения приводит к необоснованному увеличению количества заявлений о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, в том числе о пересмотре промежуточных судебных актов, выносимых в ходе административного судопроизводства. Это, в свою очередь, приводит к затягиванию разрешения спора и росту недовольства судами со стороны участников судебного процесса.

Следовательно, отказ суда в пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных актов, вынесенных не по существу спора, правомерно и не является ограничением, умалением права на судебную защиту. Напротив, такое ограничение пресекает злоупотребление правом, в связи с чем, Верховный суд Кыргызской Республики считает, что нормативное положение части 1 статьи 268 АПК, выраженное словами «вынесенного по существу дела», не противоречит пункту 8 части 5 статьи 20, частям 1, 2 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики.

Представитель Министерства юстиции Кыргызской Республики Курманбаева А.М. представила свою позицию в письменной форме и считает, что оспариваемое нормативное положение не противоречит нормам 12 Конституции Кыргызской Республики и привела доводы схожие с аргументами позиции представителя Верховного суда Кыргызской Республики.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, выслушав и рассмотрев пояснения иных лиц и исследовав материалы дела, пришла к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 19 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики по данному делу является нормативное положение части 1 статьи 268 АПК, выраженное словами «вынесенного по существу дела», изложенное в следующей редакции:

«Статья 268. Основания пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам

1. Вновь открывшиеся обстоятельства — это обстоятельства, существовавшие на момент принятия оспариваемого судебного акта, вступившего в законную силу, вынесенного по существу дела, которые не были и не могли быть известны заявителю.».

Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 года №13 был принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин-Тоо» от 1 февраля 2017 года №10-11, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в своих решениях неоднократно выражала свою позицию относительно реализации конституционного права каждого на судебную защиту.

Так, в Решении от 17 февраля 2021 года было отмечено, что Основной Закон определяет перечень прав и свобод человека, которые не подлежат никаким ограничениям, в число которых входит право на судебную защиту и право на повторное рассмотрение дела вышестоящим судом (пункты 3, 8 части 5 статьи 20).

Конституционная гарантия права каждого на судебную защиту соотносится и с положениями Всеобщей декларации прав человека (статья 8, 29), Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 2, 14), в соответствии с которыми "государство обязано обеспечить осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной".

По смыслу вышеназванных конституционных положений и международных правовых актов, являющихся в силу части 3 статьи 6 Конституции составной частью правовой системы Кыргызской Республики, право каждого на судебную защиту подразумевает предоставление посредством законодательных мер возможности всякому заинтересованному лицу обратиться в суд в целях защиты нарушенного или оспоренного права, или охраняемого законом интереса.

Недопустимость ограничения права на судебную защиту и права на повторное рассмотрение дела вышестоящим судом предполагает, что у лиц должна быть возможность обращения в суд по любому вопросу, если только само лицо не откажется от этого права, а также возможность обжалования состоявшегося судебного акта в вышестоящий суд.

3. Конституция Кыргызской Республики непосредственно не закрепляет порядок судебной проверки судебных актов по жалобам заинтересованных лиц. Такой порядок, исходя из части 1 статьи 96 Конституции Кыргызской Республики, определяется законодателем, пределы усмотрения которого при установлении системы судебных инстанций, последовательности и процедур обжалования, оснований отмены или изменения судебных актов судами вышестоящих инстанций, полномочий вышестоящих судов достаточно широки, однако в любом случае он должен опираться на конституционные цели и ценности, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные обязательства Кыргызской Республики.

В частности, АПК в целях эффективного восстановления нарушенных прав и, одновременно, обеспечения принципа *res judicata* (окончательно разрешенное дело) предусматривает возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, в том числе по вновь открывшимся обстоятельствам.

Сущность института пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам заключается в правовой переоценке обстоятельств, установленных судом при рассмотрении дела, уже с учетом вновь открывшихся обстоятельств, которые могут существенно повлиять на исход дела. Производство по вновь открывшимся обстоятельствам – это одна из форм проверки законности и обоснованности судебных актов, вступивших в законную силу. Основной целью данного института является проверка правильности вынесенного судом акта в свете вновь открывшихся обстоятельств и отмена судебного акта в случае его незаконности или необоснованности. В конечном итоге, пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам служит средством полной реализации принципа объективной истины.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в Решении от 31 января 2014 года отмечала, что по своему предназначению и содержанию пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов, вступивших в законную силу, используемый в случаях, когда неприменимы или исчерпаны все

другие средства процессуально-правовой защиты, призван гарантировать справедливость судебных актов как необходимое условие судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, а также поддержания баланса таких ценностей, как справедливость и стабильность судебных актов.

АПК, предусматривая возможность исправления таким образом ошибочных судебных актов в качестве составляющей права на справедливое правосудие, тем не менее, очерчивает границы, при которых это допустимо с учетом принципа правовой определенности. Так, пересмотр судебных актов, вступивших в законную силу допускается при наличии вновь открывшихся или новых обстоятельств, которое осуществляется судами, принявшими такие акты (часть 1 статьи 270), по правилам главы 27 АПК при наличии перечисленных в его статьях 268, 269 оснований, перечень которых имеет исчерпывающий характер. При этом, частью 1 статьи 268 АПК предусматривается, что вновь открывшиеся обстоятельства — это обстоятельства, существовавшие на момент принятия оспариваемого судебного акта, вступившего в законную силу, вынесенного по существу дела, которые не были и не могли быть известны заявителю.

Из содержания оспариваемой нормы вытекает, что участниками процесса при поданном им заявлении о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам могут быть пересмотрены только судебные акты, вынесенные по существу дела, каковыми согласно статье 171 вышеуказанного Кодекса являются решения.

Тем самым, законодатель, преследуя цель процессуальной экономии и правовой определенности судебных актов, недопущения затягивания судебных процессов и нарушения принципа рассмотрения дела в разумный срок, а также злоупотреблений правом недобросовестными участниками судебных процессов исключил промежуточные судебные акты (определения) из числа актов, допускаемых к пересмотру по вновь открывшимся обстоятельствам.

Промежуточные судебные акты – это вспомогательные акты суда, имеющие целью создание надлежащих условий для осуществления судопроизводства и достижения целей правосудия, принятые с соблюдением предусмотренных законом процедур, фиксируемые в установленной процессуальной форме и подлежащие, как правило, немедленному исполнению. Промежуточные судебные акты являются отражением различных этапов судебного разбирательства и в своей совокупности способствуют принятию итогового решения. В зависимости от правовой природы промежуточные судебные акты, при общности основных требований, существенно различаются по степени значимости и наступлению юридических последствий.

В ряде случаев промежуточные судебные акты, действительно, носят ярко выраженный вспомогательный характер. Однако в других случаях они выходят за пределы данного значения, имеют самостоятельную ценность и могут существенно влиять на исход дела, затрагивая при этом важнейшие интересы, как личности, так и общества, и государства. Такие промежуточные судебные акты по своей функциональной направленности имеют все черты итоговых актов и способны оказывать влияние как на развитие судебного процесса (к примеру: восстановление срока исковой давности), так и пресекающее воздействие на него (отказ в принятии к производству, применение срока давности, прекращение производства по делу). Иными словами, они играют существенную, а порою и решающую роль в исходе дела, порождают правовые последствия, выходящие за рамки процессуальных правоотношений, а потому не могут считаться «рядовыми». Следовательно, исходя из целей обеспечения фундаментальных гарантий участникам судопроизводства по смыслу статей 20 и 40 Конституции Кыргызской Республики, они не должны рассматриваться как судебные акты, пересмотр которых

по вновь открывшимся обстоятельствам может быть перенесено на стадию после рассмотрения дела по существу и вынесения итогового решения.

При таких обстоятельствах невозможность пересмотра промежуточных судебных актов, вступивших в законную силу, вынесенных не по существу дела, по вновь открывшимся обстоятельствам до принятия судом итогового решения (когда промежуточные акты могут быть обжалованы или пересмотрены по вновь открывшимся или новым обстоятельствам совместно с итоговым судебным решением), является ограничением конституционного права на судебную защиту, что в силу императивного требования пункта 8 части 5 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики недопустимо ни при каких обстоятельствах.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 1 части 6, частями 8, 9 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 46, 47, 48, 51 и 52 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

р е ш и л а :

1. Признать нормативное положение части 1 статьи 268 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженное словами «вынесенного по существу дела», противоречащим пункту 8 части 5 статьи 20, частям 1, 2 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННАЯ ПАЛАТА ВЕРХОВНОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о рассмотрении жалобы Култаева Кубанычбека Зулужевича на определение коллегии судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 28 декабря 2020 года

9 апреля 2021 года

город Бишкек

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего Дуйшеева К.А., судей Бобукеевой М.Р., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Осмонбаева Э.Ж., Саалаева Ж.И., Шаршеналиева Ж.А., при секретаре Лобановой Ж.А., руководствуясь частью 5 статьи 28 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», рассмотрела в судебном заседании жалобу Култаева Кубанычбека Зулужевича на определение коллегии судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 28 декабря 2020 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Култаева К.З., Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

установила:

В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики 19 ноября 2020 года поступило ходатайство Култаева К.З. о проверке соответствия абзацев второго, третьего и четвертого части 2 статьи 22 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики» пунктам 3, 4 части 3 и части 11 статьи 64 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из представленного обращения, оспариваемая норма наделяет Президента Кыргызской Республики правом возвращать посредством мотивированного решения Совету по отбору судей материалы по кандидатуре, представленной на должность судьи, в случае отказа на его назначение в течение десяти рабочих дней со дня их получения. Однако в редакции действующей Конституции такое полномочие у Президента отсутствует. Следовательно, по его мнению, оспариваемая норма не соответствует нормам Основного закона.

Култаев К.З. отмечает, что статья 64 Конституции, содержит основной перечень полномочий Президента. При этом в соответствии с частью 11 статьи 64 Конституции Президент осуществляет иные полномочия, предусмотренные Конституцией. Таким образом, по его мнению, исчерпывающий перечень полномочий Президента устанавливается только Конституцией и не может быть расширен другими нормативными правовыми актами.

В соответствии с пунктами 3, 4 части 3 статьи 64 Конституции Президент назначает судей местных судов по предложению Совета по отбору судей; освобождает судей местных судов по предложению дисциплинарной комиссии при Совете судей или Совета судей в случаях, предусмотренных Конституцией и конституционным Законом. При этом Конституция как указано выше, не предусматривает полномочий Президента в части возврата в Совет судей материалов по кандидатурам тех судей, с назначением которых он не согласен. А это по мнению заявителя означает, что конституционный Закон «О статусе судей Кыргызской Республики» наделил Президента новым полномочием, которое отсутствует в Конституции.

Согласно части 3 статьи 5 Конституции государство, его органы, органы местного самоуправления и их должностные лица не могут выходить за рамки полномочий, определенных Конституцией и законами.

Субъект обращения считает, что введение указанного запрета вызвано необходимостью четкого разграничения функциональных обязанностей органов государственной власти и их должностных лиц в зависимости от возлагаемых на них задач, а также защиты общественных интересов от злоупотребления властными полномочиями со стороны субъектов публичной власти и исключение дискреционных полномочий, позволяющих органам государственной власти и их должностным лицам по своему усмотрению решать государственно-значимые задачи.

В обоснование своих доводов, Култаев К.З. ссылаясь на решения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 27 декабря 2013 года, 15 февраля 2017 года и 24 апреля 2019 года, касающиеся принципа независимости судебной власти. По мнению заявителя, независимость судей является неотъемлемым элементом верховенства закона и демократии, а также права на справедливое судебное разбирательство. Отбор судей является одним из важнейших элементов обеспечения независимости любой судебной системы.

Автор обращения указывал, что в соответствии с частью 5 статьи 95 Конституции отбор кандидатов на должности судей местных судов осуществляется Советом по отбору судей в порядке, определяемом конституционным законом.

Согласно статье 1 Закона «О Совете по отбору судей», указанный орган осуществляет свою деятельность на принципах независимости, гласности, коллегиальности, добросовестности и законности. Култаев К.З. отмечал, что часть 1 статьи 32 Закона «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики», предусматривает, что в случае коллизии между нормативными правовыми актами, субъекты правоотношений руководствуются нормативным правовым актом, имеющим более высокую юридическую силу.

Таким образом, по его мнению, существующее правовое противоречие отдельных норм конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики», Конституции, привело к существенным ущемлениям конституционных прав граждан на равные возможности при поступлении на государственную службу, свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

На основании изложенного, заявитель просил признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции.

Коллегия судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, рассмотрев ходатайство Култаева К.З., своим определением от 28 декабря 2020 года отказала в принятии к производству данного обращения.

В указанном определении коллегия судей отметила, что ходатайство не содержит каких-либо правовых аргументов, указывающих на нарушения оспариваемыми нормами конституционных прав граждан на равные возможности при поступлении на государственную службу, свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, и тем не менее, в резолютивной части заявитель просил проверить их на соответствие пунктам 3, 4 части 3 и части 11 статьи 64 Конституции, определяющей полномочия Президента.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в своем решении от 15 января 2014 года отмечала, что часть 7 статьи 97 Конституции предоставляет каждому право оспорить конституционность закона и иного нормативного правового акта, если он считает, что ими нарушаются права и свободы, признаваемые Конституцией. Следовательно, конституционное правосудие, осуществляя свою функцию конституционного контроля, преследует цель - защитить права и свободы граждан от нарушений действием нормативных правовых актов, противоречащих основному Закону.

В этой связи, коллегия судей отметила, что Конституция, обеспечивая высокую степень доступности к конституционному правосудию, тем не менее, очерчивает их пределы, устанавливая условие, при котором отдельные субъекты вправе обратиться в орган конституционного контроля с запросом о конституционности законов и других нормативных правовых актов. Это означает, что право на обращение в Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики у физических и юридических лиц возникает лишь в том случае, если имели или могут иметь место нарушения прав и свобод человека и гражданина, предусмотренные разделом вторым Конституции Кыргызской Республики.

При этом в соответствии со статьей 20 Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики по вопросам компетенции в Конституционную палату могут обращаться только органы и должностные лица, указанные в пунктах 2-6, 8-10 части первой указанной статьи и только в части, касающейся их компетенции. Исходя из изложенного, коллегия посчитала, что в рамках требований, изложенных в ходатайстве, заявитель является ненадлежащим субъектом обращения.

Не согласившись с определением коллегии судей от 28 декабря 2020 года, Култаев К.З. 9 марта 2021 года обратился с жалобой в Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики.

В своей жалобе заявитель повторно приводит доводы, изложенные в первоначальном обращении. При этом Култаев К.З. отмечает, что применение оспариваемой нормы нарушает права и свободы, предусмотренные частями 1, 2 статьи 16, статьей 17, частью 1 статьи 20, частью 3 статьи 42, частью 4 статьи 52 Конституции, а именно: право на свободу труда, свободно распоряжаться способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, равные возможности при поступлении на государственную службу, а также определяющие права и свободы человека как высшую ценность и устанавливающие недопустимость принятия законов их отменяющих.

Кроме того, субъект обращения отмечает, что ссылка коллегии судей на статью 20 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», согласно которой по вопросам компетенции в Конституционную палату могут обращаться только органы и должностные лица, указанные в пунктах 2-6, 8-10 части первой указанной статьи и только в части, касающейся их компетенции, является неправомерной. В противном случае, по его мнению, образуется правовая коллизия со статьей 21 обозначенного конституционного Закона, которая определяет, что правом на обращение о признании неконституционными законов и иных нормативных правовых актов обладают все субъекты, указанные в части 1 статьи 20 названного Закона.

Заявитель выражает несогласие с выводами коллегии судей в части признания его ненадлежащим субъектом обращения, поскольку это ограничивает его конституционное право на обращение и искажает конституционное предназначение органа судебного конституционного контроля, ограничивает право на судебную защиту, которое согласно пункту 8 части 5 статьи 20 Конституции не подлежит какому-либо ограничению.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к следующим выводам.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что правовая оценка выводов коллегии судей в порядке пересмотра определения об отказе в принятии обращения к производству допустима лишь в рамках аргументов и требований, приведенных в первоначальном обращении.

В соответствии с пунктом 9 части 3 статьи 25 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» в обращении в обязательном порядке должна быть указана позиция обращающейся стороны по поставленному им вопросу и его правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции. Тем самым, на заявителя налагается обязанность аргументировать свою позицию логически стройными и убедительными доводами правового характера, прямо указывающими каким образом регулятивное воздействие оспариваемой нормы, нарушают гарантированные Конституцией права и свободы человека и гражданина, а также другие конституционные установления. Причем, системная связь между оспариваемой нормой и Конституцией должна быть безусловной.

Однако в нарушение указанной нормы, заявителем в первоначальном обращении не было ссылок на нормы Конституции, содержащие гарантии прав и свобод человека и гражданина, а приведены лишь пункты 3, 4 части 3 и часть 11 статьи 64 Конституции, регламентирующие полномочия Президента, в том числе по назначению судей местных судов.

Кроме того, следует отметить, что во многих странах с развитой демократией физические лица не имеют прямого доступа к конституционному судопроизводству, так как с учетом его особенностей, данный вид судопроизводства не является обязательным элементом международно признанной гарантии доступа к правосудию. Тем не менее, Конституция Кыргызской Республики предоставляет широкий доступ для физических и юридических лиц к конституционному судопроизводству, предоставив им право оспаривания конституционности законов и иных нормативных правовых актов, если ими нарушаются права и свободы, признаваемые Конституцией (часть 7 статьи 97).

В этой связи, мнение заявителя о нарушении его конституционного права на судебную защиту является ошибочным.

В соответствии с оспариваемой нормой Президент своим мотивированным решением вправе вернуть Совету по отбору судей материалы по представленной кандидатуре в течение 10 рабочих дней со дня их получения. Данная диспозиция, исходя из ее сущности, не устанавливает каких-либо законодательных условий или ограничений, которые приводили бы к безусловному отклонению представленной Советом по отбору судей кандидатуры и лицо лишалось бы права на труд и возможности быть назначенным на государственную должность.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в своих решениях неоднократно отмечала, что конституционное право на свободу труда не означает право гражданина в обязательном порядке занимать определенную должность в соответствии с избранным им родом деятельности и профессией и обязанность кого бы то ни было такую работу или должность ему предоставить. Свобода труда предполагает обеспечение каждому возможности на равных с другими гражданами условиях и без какой-либо дискриминации вступать в трудовые отношения, реализуя свои способности к труду.

Тем самым, оспариваемая норма не имеет регулятивного действия, каким-либо образом затрагивающего права и свободы, указанные заявителем, а носит ярко выраженный управомочивающий характер путем предоставления Президенту Кыргызской Республики определенного права усмотрения. Иными словами, предметом оспаривания являются вопросы построения системы государственной власти и определения круга полномочий высших должностных лиц в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики. То есть, речь идет о сфере, где инициирование конституционного судопроизводства принадлежит специальным субъектам, к каковым граждане Кыргызской Республики не относятся.

В связи с этим Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики считает, что коллегия судей пришла к обоснованному выводу о том, что заявитель является ненадлежащим субъектом обращения, соответственно, не находит оснований для отмены определения от 28 декабря 2020 года.

На основании вышеизложенного, руководствуясь абзацем вторым статьи 24, частью 5 статьи 28, статьями 46, 47, 48, частью 1 статьи 51 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

п о с т а н о в и л а :

1. Жалобу Култаева Кубанычбека Зулуевича об отмене определения коллегии судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики «Об отказе в принятии к производству ходатайства Култаева К.З. о проверке конституционности абзацев второго, третьего, четвертого части 2 статьи 22 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики» от 28 декабря 2020 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Конституционного Суда Российской Федерации

*по делу о проверке конституционности части третьей статьи 374
Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки
Е.К.Сергеевой*

3 июня 2021 года

город Санкт-Петербург

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части третьей статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Е.К.Сергеевой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.П.Маврина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с частью третьей статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации (в ее взаимосвязи с частью первой той же статьи) работодатель вправе произвести увольнение руководителей (их заместителей) выборных коллегиальных органов первичных профсоюзных организаций, выборных коллегиальных органов профсоюзных организаций структурных подразделений организаций (не ниже цеховых и приравненных к ним), не освобожденных от основной работы, по основаниям, предусмотренным пунктом 2 или 3 части первой статьи 81 данного Кодекса, без учета решения соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа в случае, если такое решение не представлено в установленный срок или если решение соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с данным увольнением признано судом необоснованным на основании заявления работодателя.

1.1. Конституционность приведенного законоположения оспаривает гражданка Е.К.Сергеева, которая, как следует из представленных документов, работала в ОАО «Завод Лентеплоприбор» (последняя замещаемая должность – начальник бюро отдела технического контроля) и 29 мая 2019 года была уволена по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации (в связи с сокращением численности или штата работников

организации). Поскольку заявительница являлась председателем выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации ОАО «Завод Лентеплоприбор», не освобожденным от основной работы, работодатель 29 апреля 2019 года направил проект приказа и копии документов, являющихся основанием для принятия решения о ее увольнении, в вышестоящую профсоюзную организацию – Межрегиональную (территориальную) Санкт-Петербурга и Ленинградской области организацию Российского профсоюза работников промышленности, которая 13 мая 2019 года выразила несогласие с увольнением Е.К.Сергеевой, мотивировав это несоответствием фактической цели проводимого работодателем сокращения штата работников созданию условий для продолжения работы организации, а также использованием процедуры сокращения штата исключительно для лишения работников их рабочих мест и уничтожения первичной профсоюзной организации. В тот же день работодатель направил в адрес указанной вышестоящей профсоюзной организации дополнительные документы, подтверждающие обоснованность проведения организационно-штатных мероприятий, однако 20 мая 2019 года данная профсоюзная организация вновь уведомила работодателя о своем несогласии по аналогичным мотивам с увольнением Е.К.Сергеевой. Несмотря на это работодатель издал приказ об увольнении заявительницы и вместе с тем обратился в суд с заявлением о признании необоснованными решений вышестоящей профсоюзной организации о несогласии с увольнением Е.К.Сергеевой.

Решением Октябрьского районного суда Санкт-Петербурга от 15 августа 2019 года решения Межрегиональной (территориальной) Санкт-Петербурга и Ленинградской области организации Российского профсоюза работников промышленности о несогласии с увольнением заявительницы признаны необоснованными. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 12 февраля 2020 года данное судебное решение отменено и принято новое решение, которым соответствующие решения указанной профсоюзной организации также признаны необоснованными.

Решением Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 12 сентября 2019 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 25 ноября 2019 года, отказано в 4 удовлетворении исковых требований Е.К.Сергеевой к ОАО «Завод Лентеплоприбор» о признании незаконным приказа об увольнении, восстановлении на работе, взыскании заработной платы и компенсации морального вреда. При этом суды указали, что действующее законодательство не содержит формального запрета на увольнение руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы, до момента вступления в законную силу решения суда, удовлетворяющего требование работодателя о признании необоснованным отказа вышестоящего выборного профсоюзного органа в согласии на увольнение такого работника. Данные судебные акты оставлены без изменения определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2020 года. В передаче кассационной жалобы заявительницы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 9 сентября 2020 года, оснований для несогласия с которым не усмотрел и заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 28 октября 2020 года).

Как полагает Е.К.Сергеева, примененная судами в ее конкретном деле часть третья статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации противоречит статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3), 75 (часть 5) и 75¹

Конституции Российской Федерации в той мере, в какой данное законоположение по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, позволяет работодателю уволить руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы, до признания судом необоснованным решения соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с увольнением такого работника, а судам – признавать необоснованным это решение с момента его принятия.

1.2. В силу статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого нормативного акта в конкретном деле с его участием, при разрешении которого исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспариваемый нормативный акт Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов, не будучи связан в принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Исходя из этого часть третья статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации выступает в качестве предмета рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании решается вопрос о законности увольнения руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы, по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 этого Кодекса, которое состоялось без учета решения вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с данным увольнением до вступления в законную силу решения суда о признании указанного решения вышестоящего выборного профсоюзного органа необоснованным на основании заявления работодателя.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, а также свободу деятельности общественных объединений (статья 30, часть 1). Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из приведенной конституционной нормы во взаимосвязи со статьей 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации, провозглашающей свободу труда и право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, вытекает обязанность государства обеспечивать как свободу деятельности профсоюзов, представляющих собой добровольные общественные объединения граждан, создаваемые в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав на основе общности производственных и профессиональных интересов и наделяемые необходимыми для этого полномочиями, так и возможность беспрепятственного сочетания работниками, входящими в состав профсоюзных органов (в том числе их руководителями) и не освобожденными от основной работы, осуществляемой ими трудовой деятельности с выполнением возложенных на них общественно-значимых функций

(Постановление от 24 января 2002 года № 3-П; определения от 4 декабря 2003 года № 421-О, от 15 января 2008 года № 201-О-П и от 1 июня 2010 года № 785-О-О).

Обязанность государства обеспечивать лицам, осуществляющим профсоюзную деятельность, надлежащую защиту против любых дискриминационных действий, направленных на ущемление свободы объединения профсоюзов в области труда, вытекает, кроме того, из положений Конвенции МОТ № 87 1948 года относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию (статьи 2 и 3) и Конвенции МОТ № 98 1949 года относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров (подпункт «b» пункта 2 статьи 1) (ратифицированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1956 года), а также Конвенции МОТ № 135 1971 года о защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях (статьи 1 и 2) (ратифицирована Федеральным законом от 1 июля 2010 года № 137-ФЗ) и Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года (пункт «a» статьи 28) (ратифицирована Федеральным законом от 3 июня 2009 года № 101-ФЗ).

На основании приведенных конституционных положений и норм международных правовых актов федеральный законодатель, действующий в рамках своих дискреционных полномочий, вправе предусматривать для работников, входящих в состав профсоюзных органов и не освобожденных от основной работы, дополнительные гарантии защиты их трудовых прав, с тем чтобы осуществляемая такими лицами профсоюзная деятельность не повлекла для них неблагоприятных последствий, связанных с утратой работы и заработка. Тем самым данным лицам обеспечивается возможность вести профсоюзную деятельность без угрозы наступления указанных последствий, а профессиональным союзам гарантируется независимость и свобода их деятельности, являющиеся важнейшими условиями обеспечения и развития социального партнерства в демократическом правовом социальном государстве (статья 1, часть 1; статья 7, часть 1; статья 75¹ Конституции Российской Федерации).

Вместе с тем Конституция Российской Федерации гарантирует свободу экономической деятельности, поддержку конкуренции, признание и защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности в качестве основ конституционного строя Российской Федерации (статья 8), а также закрепляет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1) и право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, часть 2).

Указанные конституционные положения предполагают наделение работодателя (физического или юридического лица) правомочиями, позволяющими ему в целях осуществления экономической деятельности и управления имуществом самостоятельно и под свою ответственность принимать необходимые кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала). При этом, предусматривая в соответствии с требованиями статьи 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации гарантии защиты трудовых прав работников, направленные против возможного произвольного их увольнения, законодатель не вправе устанавливать такие ограничения правомочий работодателя, которые ведут к непреодолимому искажению самого существа свободы экономической (предпринимательской) деятельности, – иное противоречило бы положениям статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, предписывающим, что осуществление признаваемых и гарантируемых в Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, а возможные

ограничения прав и свобод посредством федерального закона должны преследовать конституционно значимые цели и быть соразмерны им.

Исходя из этого, при установлении дополнительных гарантий защиты трудовых прав работников, входящих в состав профсоюзных органов и не освобожденных от основной работы, законодатель – в силу требований статей 1 (часть 1), 7 (часть 1), 8, 17 (часть 3), 30 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 2), 37 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – должен обеспечивать баланс соответствующих конституционных прав и свобод, являющийся необходимым условием гармонизации трудовых отношений в Российской Федерации как социальном правовом государстве, что составляет правовую основу справедливого согласования прав и интересов работников и работодателей как сторон в трудовом договоре и как участников социального партнерства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2002 года № 3-П и др.).

3. К числу дополнительных гарантий защиты трудовых прав работников, входящих в состав профсоюзных органов и не освобожденных от основной работы, относится, в частности, особый порядок расторжения заключенных с ними трудовых договоров и увольнения этих лиц по отдельным основаниям, предусмотренным законом.

3.1. Согласно статье 374 Трудового кодекса Российской Федерации увольнение руководителей (их заместителей) выборных коллегиальных органов первичных профсоюзных организаций, выборных коллегиальных органов профсоюзных организаций структурных подразделений организаций (не ниже цеховых и приравненных к ним), не освобожденных от основной работы, по основаниям, предусмотренным пунктом 2 или 3 части первой статьи 81 данного Кодекса, допускается помимо общего порядка увольнения только с предварительного согласия соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа (часть первая); в течение семи рабочих дней со дня получения от работодателя проекта приказа и копий документов, являющихся основанием для принятия решения об увольнении работника из числа указанных категорий, по основанию, предусмотренному пунктом 2 или 3 части первой статьи 81 этого Кодекса, соответствующий вышестоящий выборный профсоюзный орган рассматривает этот вопрос и представляет в письменной форме работодателю свое решение о согласии или несогласии с данным увольнением (часть вторая); в свою очередь работодатель вправе произвести увольнение без учета решения соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа в случае, если это решение не представлено в установленный срок или если решение соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с данным увольнением признано судом необоснованным на основании заявления работодателя (часть третья).

Приведенное правовое регулирование, предполагающее обязательность получения работодателем предварительного согласия вышестоящего выборного профсоюзного органа на увольнение руководителей (их заместителей) выборных коллегиальных органов первичных профсоюзных организаций или выборных коллегиальных органов профсоюзных организаций структурных подразделений организаций (не ниже цеховых и приравненных к ним), не освобожденных от основной работы, в частности по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации, фактически устанавливает запрет на увольнение таких работников по указанному основанию без соблюдения процедуры согласования увольнения с вышестоящим выборным профсоюзным органом.

3.2. Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, для получения согласия вышестоящего выборного профсоюзного органа на увольнение

работника, являющегося руководителем (его заместителем) выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденным от основной работы, работодатель, считая необходимым в целях осуществления эффективной экономической деятельности организации усовершенствовать ее организационно-штатную структуру, в частности, путем сокращения численности или штата работников, обязан представить мотивированное доказательство того, что предстоящее увольнение такого работника обусловлено именно указанными целями и не связано с осуществлением им профсоюзной деятельности. При этом в случае отказа вышестоящего выборного профсоюзного органа в согласии на увольнение работодатель вправе обратиться с заявлением о признании его необоснованным в суд, который при рассмотрении дела не оценивает экономическую целесообразность и эффективность проводимых работодателем организационно-штатных мероприятий, но вместе с тем выясняет, производится ли в действительности сокращение численности или штата работников (что доказывается работодателем путем сравнения старой и новой численности или штата работников), связано ли намерение работодателя уволить конкретного работника с изменением организационно-штатной структуры организации либо с осуществляемой этим работником профсоюзной деятельностью. Вышестоящий же выборный профсоюзный орган, также не уполномоченный на оценку обоснованности организационно-распорядительных решений, принимаемых работодателем как самостоятельным хозяйствующим субъектом, обязан представить суду доказательства того, что его отказ в согласии на увольнение конкретного работника обусловлен наличием объективных обстоятельств, подтверждающих преследование данного работника со стороны работодателя по причине его профсоюзной деятельности, т.е. предполагаемое увольнение фактически носит дискриминационный характер (Определение от 4 декабря 2003 года № 421-О).

Таким образом, специальная процедура получения работодателем предварительного согласия вышестоящего выборного профсоюзного органа на расторжение трудового договора с работниками, являющимися руководителями (их заместителями) выборных коллегиальных органов первичных профсоюзных организаций, не освобожденными от основной работы, в частности, по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации, сама по себе направлена на предотвращение необоснованного увольнения таких работников в связи с осуществляемой ими профсоюзной деятельностью и тем самым на государственную защиту от вмешательства работодателя в осуществление данной деятельности.

При этом соответствующее правовое регулирование предоставляет работодателю право оспорить отказ вышестоящего выборного профсоюзного органа в согласии на увольнение руководителя (его заместителя) выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы, в судебном порядке и тем самым обеспечивает возможность – при условии надлежащего обоснования – преодолеть такого рода отказ в согласии на увольнение данного работника, а следовательно, не предполагает несоразмерного ограничения правомочий работодателя, позволяющих ему в целях осуществления экономической деятельности и управления имуществом самостоятельно и под свою ответственность принимать необходимые кадровые решения, в силу чего оно и не может расцениваться в качестве не отвечающего вытекающему из Конституции Российской Федерации требованию справедливого согласования прав и интересов работников и работодателей как сторон трудового договора и как участников социального партнерства.

4. Предусматривая право работодателя произвести увольнение руководителей (их заместителей) выборных коллегиальных органов первичных

профсоюзных организаций, не освобожденных от основной работы, без учета решения вышестоящего выборного профсоюзного органа в случае, если такое решение не представлено в установленный срок или если решение вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с данным увольнением признано судом необоснованным на основании заявления работодателя, часть третья статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации действует во взаимосвязи с частью двенадцатой той же статьи, из которой, в частности, следует, что увольнение указанных работников по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 данного Кодекса, производится в течение одного месяца со дня истечения установленного срока представления решения вышестоящего выборного профсоюзного органа либо вступления в силу решения суда о признании необоснованным несогласия соответствующего выборного профсоюзного органа с данным увольнением, при этом в указанный срок не засчитываются периоды временной нетрудоспособности работника, пребывания его в отпуске и другие периоды отсутствия работника, когда за ним сохраняется место работы (должность).

Упомянутые законоположения в их нормативной взаимосвязи предполагают, что увольнение руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы, по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации, если вышестоящим выборным профсоюзным органом принято решение о несогласии с данным увольнением и работодатель обратился в суд с заявлением о признании такого решения необоснованным, допускается только после вступления в законную силу решения суда, удовлетворяющего соответствующее требование работодателя.

При этом само решение вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с увольнением руководителя выборного 13 коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы, признается необоснованным именно с момента вступления в законную силу решения суда, вынесенного на основании заявления работодателя.

Таким образом, часть третья статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации не предполагает увольнения руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы, по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 данного Кодекса, без учета решения вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с таким увольнением до момента вступления в законную силу вынесенного на основании заявления работодателя решения суда, которым указанное решение вышестоящего выборного профсоюзного органа признано необоснованным.

Иное истолкование и применение оспариваемого законоположения, в том числе судами, не только расходилось бы с его действительным смыслом, но и – вопреки статьям 30 (часть 1), 37 (часть 1), 55 (часть 3) и 75¹ Конституции Российской Федерации – фактически позволяло бы игнорировать необходимость получения работодателем предварительного согласия вышестоящего выборного профсоюзного органа на увольнение работников, входящих в состав профсоюзных органов и не освобожденных от основной работы, как гарантии, установленной в качестве правового средства дополнительной защиты их трудовых прав, и тем самым препятствовать нормальному функционированию предусмотренного трудовым законодательством механизма профсоюзного контроля за действиями работодателя при увольнении работников соответствующих категорий, создавая предпосылки не только для ущемления их трудовых прав в связи с осуществляемой ими профсоюзной деятельностью, но и для ослабления свободы и независимости профсоюзов как субъектов отношений социального партнерства.

В то же время увольнение руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы, по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации, состоявшееся без учета решения вышестоящего выборного профсоюзного органа, признанного впоследствии необоснованным соответствующим судом общей юрисдикции, хотя и подлежит признанию незаконным по мотивам несоблюдения работодателем установленного порядка увольнения, тем не менее не обязательно должно влечь за собой во всех случаях такие правовые последствия, как безусловное восстановление данного работника на прежней работе и выплата ему компенсации за вынужденный прогул.

В такого рода ситуациях суд, рассматривающий индивидуальный трудовой спор об оспаривании увольнения работника, руководствуясь, помимо прочего, вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами справедливости и соразмерности, должен учесть все обстоятельства конкретного дела, в том числе соблюдение работодателем иных (помимо согласования увольнения с вышестоящим выборным профсоюзным органом) требований, касающихся процедуры увольнения по указанному основанию, возможность фактического исполнения данным работником прежних трудовых обязанностей и т.д.

В тех же случаях, когда единственным основанием для признания увольнения конкретного работника незаконным является нарушение установленной законом процедуры согласования его увольнения с вышестоящим выборным профсоюзным органом, суд вправе, принимая решение о признании увольнения незаконным, ограничиться изменением даты такого увольнения на дату вступления в законную силу решения суда о признании необоснованным решения вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с увольнением указанного работника и взысканием в его пользу среднего заработка за все время, в течение которого он оказался лишенным возможности трудиться.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О 15 Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать часть третью статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает увольнения руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы, по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 данного Кодекса, без учета решения вышестоящего выборного профсоюзного органа о несогласии с данным увольнением до момента вступления в законную силу вынесенного на основании заявления работодателя решения суда, которым указанное решение вышестоящего выборного профсоюзного органа признано необоснованным.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл части третьей статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование данного законоположения в правоприменительной практике.

3. Судебные акты, вынесенные по делу гражданки Сергеевой Екатерины Кирилловны на основании части третьей статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом,

выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства 16 Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Конституционного Суда Российской Федерации

по делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В.Яковлева

8 июня 2021 года

город Санкт-Петербург

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А.В.Яковлева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации, оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д.Рудкина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с частью первой статьи 74 УИК Российской Федерации исправительными учреждениями являются исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения; следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, осужденных, в отношении которых приговор суда вступил в законную

силу и которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания, осужденных, перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в следственный изолятор для участия в следственных действиях либо в судебном разбирательстве, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их согласия. В силу части восьмой той же статьи в лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях отбывают наказание осужденные, указанные в части второй статьи 101 данного Кодекса; лечебно-профилактические учреждения выполняют функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них осужденных; в лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как колонии-поселения, а порядок их создания, функционирования и ликвидации определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Согласно же части второй статьи 101 данного Кодекса в уголовно-исполнительной системе для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы) и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, – лечебные исправительные учреждения. За нарушение установленного порядка отбывания наказания к осужденным могут применяться меры взыскания, в том числе предусмотренная пунктом «в» части первой статьи 115 данного Кодекса – водворение осужденных, содержащихся в исправительных колониях или тюрьмах, в штрафной изолятор на срок до 15 суток.

1.1. Конституционность приведенных законоположений оспаривает гражданин А.В.Яковлев, который осужден к лишению свободы и на которого в период его нахождения в стационарном отделении лечебного исправительного учреждения было наложено – за нарушение установленного порядка отбывания наказания, выразившееся в хранении запрещенного предмета, – дисциплинарное взыскание в виде водворения в штрафной изолятор на 14 суток. В связи с данным обстоятельством он также признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

А.В.Яковлев обратился с административным иском заявлением о признании действий администрации лечебного исправительного учреждения незаконными. В удовлетворении иска отказано решением Серовского районного суда Свердловской области от 18 апреля 2019 года, в том числе ввиду пропуска истцом срока для обращения в суд. Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Свердловского областного суда от 30 октября 2019 года отклонены доводы жалобы А.В.Яковлева о том, что такой вид дисциплинарного взыскания, как водворение в штрафной изолятор, применим лишь к осужденным, содержащимся в исправительных колониях и тюрьмах. Суд пришел к выводу, что осужденные, отбывающие наказание в лечебных исправительных учреждениях, могут водворяться в штрафной изолятор, при этом учитывается состояние здоровья осужденного и ему предоставляется необходимое лечение. Также суд отметил, что фактически взыскание в отношении А.В.Яковлева не было исполнено в связи с медицинским заключением о наличии противопоказаний для его водворения в штрафной изолятор. По оценке суда, это тоже свидетельствует об отсутствии нарушений прав истца. Кассационная жалоба А.В.Яковлева оставлена

без удовлетворения определением судебной коллегии по административным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2020 года, признавшей обоснованным вывод нижестоящих судов о том, что хранение запрещенного предмета и пользование им является нарушением установленного порядка отбывания наказания, а избранная мера взыскания предусмотрена статьей 115 УИК Российской Федерации.

Кроме того, А.В.Яковлев обратился с административным иском с заявлением о признании недействующими пунктов 137 и 143 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены приказом Минюста России от 16 декабря 2016 года № 295), указав, что взыскания, предусмотренные пунктами «в», «г», «д» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации, могут применяться только к осужденным, содержащимся в исправительных колониях и тюрьмах, но не в лечебнопрофилактических или лечебных исправительных учреждениях, предназначенных для оказания специализированной медицинской помощи. Решением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2020 года в удовлетворении иска отказано. В обоснование решения отмечено, что осужденные, находясь в лечебно-профилактических или лечебных исправительных учреждениях, отбывают наказание в виде лишения свободы и одновременно получают необходимое лечение, а потому не исключено применение к ним – при нарушении установленного порядка отбывания наказания – мер взыскания, предусмотренных данной статьей. Это решение оставлено без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2020 года, согласившейся с выводом о возможности применения мер взыскания, 5 предусмотренных данной статьей, к осужденным, находящимся в лечебнопрофилактическом или лечебном исправительном учреждении, поскольку оно выполняет функции исправительных учреждений для содержащихся в нем осужденных, оказывая им медицинскую помощь.

1.2. По мнению А.В.Яковлева, оспариваемые нормы противоречат статьям 19 (часть 1), 21 (часть 1) и 41 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой и официальным толкованием, позволяют в нарушение буквы закона, а именно пункта «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации, водворять в штрафной изолятор больного осужденного, не содержащегося в исправительной колонии или тюрьме.

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» части первая и восьмая статьи 74, часть вторая статьи 101 и пункт «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос о возможности применения меры взыскания в виде водворения в штрафной изолятор в отношении осужденных, допустивших нарушение установленного порядка отбывания лишения свободы в период нахождения в лечебном исправительном учреждении.

2. В России как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства. Права и свободы признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, государством охраняется достоинство личности, ничто не может быть основанием для его умаления, и никто не должен подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Ограничение же прав и свобод возможно федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

По смыслу данных положений, закрепленных в статьях 1, 2, 7 (часть 2), 17 (часть 1), 18, 21, 41 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на охрану достоинства личности распространяются и на лиц, которые лишены свободы в установленном законом порядке и которые в целом, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, обладают теми же правами и свободами, что и остальные граждане, за изъятиями, обусловленными особенностями их личности, совершенных ими преступлений и специальным режимом мест лишения свободы (Постановление от 15 ноября 2016 года № 24-П; определения от 13 июня 2002 года № 173-О, от 9 июня 2005 года № 248-О, от 16 февраля 2006 года № 63-О, от 15 июля 2008 года № 454-О-О, от 25 февраля 2010 года № 258-ОО и др.). Исполнение наказания в виде лишения свободы ограничивает права и свободы осужденного, в том числе его право на свободу передвижения, что связано с его противоправным поведением и обусловлено целями защиты нравственности, прав и законных интересов других лиц, общества и государства, предупреждения повторных правонарушений. При этом обеспечение права осужденных на охрану здоровья предполагает исполнение такого наказания с учетом состояния их здоровья и не исключает дополнительное ограничение прав осужденного, обусловленное применением мер дисциплинарного взыскания за нарушение режима отбывания наказания.

Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятые Резолюцией 70/175 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 года, призывают руководствоваться следующим. Больных заключенных, нуждающихся в услугах специалиста или хирургическом вмешательстве, надлежит переводить в специализированные учреждения или в гражданские больницы, а при наличии в службе исполнения наказаний собственных больниц они должны быть в достаточной степени укомплектованы персоналом и оснащены для обеспечения направляемых в них лиц необходимым уходом и лечением (правило 27). Законодательством или нормативно-правовыми актами компетентного административного органа должны регулироваться поведение, представляющее собой дисциплинарное нарушение, а также вид и продолжительность мер взыскания, которые могут быть наложены на заключенных, и любые меры принудительного отделения от общего контингента заключенных, включая помещение в карцер в качестве дисциплинарного взыскания (правило 37). Ни при каких обстоятельствах не могут налагаться ограничения или дисциплинарные взыскания, равнозначные пытке либо другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания (правило 43). Медицинские же работники не должны участвовать в наложении дисциплинарных взысканий или принятии других ограничительных мер, однако должны уделять особое внимание здоровью заключенных, подвергнутых принудительной изоляции, в том числе ежедневно их посещая и предоставляя надлежащую медицинскую помощь и лечение по просьбе таких заключенных или тюремного персонала (правило 46).

Как указано в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 11 января 2006 года Res (2006) 2 «Европейские пенитенциарные правила», ограничения, налагаемые на лиц, лишенных свободы, должны быть минимально необходимыми и соответствовать той цели, с которой они наложены (правило 3), администрация пенитенциарного учреждения обеспечивает охрану здоровья всех

заключенных (правило 39), а больные заключенные, требующие специализированного лечения, переводятся в специализированные учреждения или гражданские больницы, если это лечение невозможно в пенитенциарном учреждении (правило 46.1).

Таким образом, по смыслу норм Конституции Российской Федерации, международного права и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации режим и порядок исполнения наказания в виде лишения свободы устанавливаются с тем, чтобы обеспечить изоляцию и охрану осужденных, постоянный надзор за ними, их личную безопасность, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, их исправление и предупреждение новых преступлений, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия отбывания наказания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, и при необходимости – изменение данных условий. В этих целях предусматриваются меры по охране здоровья осужденных, включая перевод по состоянию здоровья в лечебные исправительные учреждения, допускается временное, обусловленное противоправным поведением осужденного применение мер дисциплинарного взыскания, в том числе водворение в штрафной изолятор, которое, однако, не может быть произвольным и должно отвечать требованиям справедливости, равенства, соразмерности защите конституционно значимых ценностей.

3. Реализуя свои дискреционные полномочия, вытекающие из статьи 71 (пункты «в», «о») Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель предусмотрел лишение свободы как меру наказания, назначаемую осужденному за преступление по приговору суда, конкретизировал порядок и условия ее исполнения, а также определил виды исправительных учреждений и виды режимов отбывания данного наказания.

Так, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения не только в воспитательную колонию, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму, но и в лечебное исправительное учреждение (часть первая статьи 56). С уголовным законом согласуются нормы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации – специального закона, закрепляющего порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, правовое положение и средства исправления осужденных (статьи 1–4). В соответствии с данным Кодексом лечебные исправительные учреждения включены в систему исправительных учреждений, предназначенных для исполнения наказания в виде лишения свободы, организуются для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, которые содержатся в условиях, установленных законом для вида колонии, назначенного судом (часть девятая статьи 16, части первая и восьмая статьи 74, часть четвертая статьи 80 и часть вторая статьи 101).

Тем самым продиктованное требованиями Конституции Российской Федерации и норм международного права помещение лиц в лечебное исправительное учреждение, обеспечивающее охрану их здоровья и оказание им медицинской помощи, не меняет их правового статуса как осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и не освобождает их от соблюдения установленного порядка отбывания лишения свободы на условиях, определенных законом, от исполнения иных обязанностей, возложенных на них уголовно-исполнительным законодательством.

Следовательно, нарушение осужденными установленного порядка отбывания наказания в условиях лечебного исправительного учреждения, неисполнение ими своих обязанностей, неподчинение законным требованиям администрации этого

учреждения не исключают применения к ним известных уголовно-исполнительному законодательству мер взыскания (влекут предусмотренную законом ответственность). Иное вело бы к невозможности обеспечить режим отбывания наказания, использовать иные средства исправления осужденных, стимулировать, соединив наказание с исправительным воздействием, их правопослушное поведение, к отступлению от принципов уголовно-исполнительного законодательства (статьи 8 и 9 УИК Российской Федерации), от вытекающих из Конституции Российской Федерации требований законности, справедливости и верховенства права, а также к нарушению конституционного принципа равенства перед законом и судом в отношении одной категории лиц – осужденных к лишению свободы с его отбыванием в учреждении определенного судом вида и режима, а потому вступало бы в противоречие со статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

4. Основаниями исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера являются приговор либо изменяющие его определение или постановление суда, вступившие в законную силу, а также акт помилования или акт об амнистии (статья 7 УИК Российской Федерации).

Правила назначения осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения регламентирует Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривая, в зависимости от категории осужденных и совершенных ими преступлений, отбывание этого наказания в колониях-поселениях, воспитательных колониях, в исправительных колониях общего, строгого или особого режима, а также части срока наказания – в тюрьме (статья 58). Однако данный Кодекс, определяющий преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия (статья 3), не регулирует уголовно-исполнительные отношения и не содержит положений, закрепляющих основания и порядок направления осужденного к лишению свободы в лечебное исправительное учреждение.

Перевод в лечебное исправительное учреждение обусловлен необходимостью оказания осужденному лечебно- и санитарнопрофилактической помощи и осуществляется не на основании приговора (иного решения) суда, а по результатам медицинского обследования состояния его здоровья. Это является – по смыслу взаимосвязанных положений статей 75 и 81 УИК Российской Федерации и утвержденного на их основании приказом Минюста России от 26 января 2018 года № 17 Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного 11 исправительного учреждения в другое (пункты 7 и 19–21) – направлением осужденного в лечебное исправительное учреждение. Такое направление не равнозначно изменению вида исправительного учреждения (осуществляемому, в силу части четвертой статьи 58 УК Российской Федерации и части пятой статьи 78 УИК Российской Федерации, только судом), в связи с чем Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации прямо предусматривает, что осужденные, направленные в лечебные исправительные учреждения, содержатся в условиях, установленных законом для колонии того вида, который назначен судом (часть четвертая статьи 80). Это означает, что направление осужденного к лишению свободы в лечебное исправительное учреждение не меняет вида режима исправительного учреждения, определенного приговором суда (или последующим судебным решением).

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 16 постановления от 29 мая 2014 года № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», судам следует учитывать, что, хотя к числу учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, отнесены лечебные исправительные учреждения (часть девятая статьи 16 УИК Российской Федерации),

в которых в соответствии с частью восьмой статьи 74 УИК Российской Федерации отбывают наказание лица, больные открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, при осуждении таких лиц к лишению свободы им должен назначаться вид исправительного учреждения в соответствии со статьей 58 УК Российской Федерации.

В силу этого режим содержания в лечебном исправительном учреждении является равным условиям лишения свободы в исправительном учреждении, из которого осужденный направлен для лечения. Следовательно, аналогичным юридическим фактам, включая сопоставимые по тяжести нарушения условий отбывания наказания, не может даваться принципиально разная правовая оценка, влекущая неодинаковые правовые последствия.

5. Как следует из частей первой и второй статьи 101 УИК Российской Федерации, лечебно- и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и законодательством Российской Федерации в сфере охраны здоровья, для чего в уголовно-исполнительной системе организуются лечебнопрофилактические учреждения (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы) и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, – лечебные исправительные учреждения. Кроме того, часть пятая той же статьи, действуя во взаимосвязи со статьей 26 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», конкретизирующей права лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, на получение медицинской помощи, относит вопрос определения порядка оказания такой помощи к компетенции уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Приказом Минюста России от 28 декабря 2017 года № 285 утвержден Порядок организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы. Согласно его пункту 5 осужденные направляются в медицинские организации уголовно-исполнительной системы для оказания медицинской помощи в стационарных условиях, в лечебные исправительные учреждения – для оказания медицинской помощи в амбулаторных условиях больным туберкулезом, алкоголизмом и наркоманией, а в учреждения уголовно-исполнительной системы, при которых организованы дома ребенка, – для оказания медицинской помощи осужденным беременным женщинам и женщинам, совместно с которыми содержатся дети в возрасте до трех лет. В свою очередь, Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений определяют особенности размещения осужденных в лечебно-профилактических учреждениях и условия отбывания наказания в период стационарного лечения (глава XX), а также особенности условий содержания осужденных в лечебных исправительных учреждениях (глава XXI).

Из этого следует, что медицинская помощь в стационарных условиях осужденным к лишению свободы оказывается в лечебно-профилактических учреждениях или в медицинских организациях (больницах), а в лечебных исправительных учреждениях осужденным (больным туберкулезом, алкоголизмом и наркоманией) оказывается медицинская помощь как амбулаторно, так и – при наличии медицинских показаний – в стационарных условиях. В частности, помещение (направление) больных туберкулезом в отдельные (профильные) лечебные исправительные учреждения обусловлено необходимостью оказания им специализированной помощи и требованием медицинской (санитарной) изоляции

таких лиц от других осужденных для снижения рисков заражения этим социально опасным заболеванием и для предупреждения его дальнейшего распространения.

6. Пункт «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации, рассматриваемый в системной связи с иными положениями данного Кодекса и нормами уголовного закона, предполагает применение меры дисциплинарного взыскания в виде водворения в штрафной изолятор на срок до 15 суток к осужденным, которым судом определен такой вид исправительного учреждения, как исправительная колония или тюрьма, независимо от их временного содержания по медицинским показаниям в лечебном исправительном учреждении.

При применении мер взыскания, включая водворение в штрафной изолятор, учитываются, согласно статье 117 УИК Российской Федерации, обстоятельства совершения, тяжесть и характер нарушения, личность осужденного и его предыдущее поведение, причем взыскание налагается не позднее 10 суток со дня обнаружения нарушения, а если в связи с нарушением проводилась проверка – со дня ее окончания, но не позднее трех месяцев со дня совершения нарушения; исполняется взыскание 14 немедленно, а в исключительных случаях – не позднее 30 дней со дня его наложения. Взыскание в виде водворения в штрафные и дисциплинарные изоляторы производится, в силу той же статьи, с указанием срока содержания после проведения медицинского осмотра и выдачи медицинского заключения о возможности нахождения в них по состоянию здоровья. Согласно же Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений в лечебных исправительных учреждениях осужденные, водворенные в штрафные изоляторы, переведенные в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа, одиночные камеры, запираемые помещения, получают необходимое лечение (пункт 143). Медицинская помощь оказывается им амбулаторно и включает в себя осмотр медицинским работником и прием препаратов, назначенных врачом (фельдшером).

В то же время основанием для вынесения медицинского заключения о невозможности нахождения осужденного в помещении камерного типа, едином помещении камерного типа, одиночной камере, штрафном или дисциплинарном изоляторе является заболевание, травма либо иное состояние, требующее оказания неотложной помощи, лечения либо наблюдения в стационарных условиях, в том числе в медицинской части (пункты 12–15 утвержденного приказом Минюста России от 9 августа 2011 года № 282 Порядка проведения медицинского осмотра перед переводом осужденных в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа, одиночные камеры, а также водворением в штрафные и дисциплинарные изоляторы и выдачи медицинского заключения о возможности нахождения в указанных помещениях по состоянию здоровья).

Вынесение медицинского заключения о невозможности нахождения в штрафном изоляторе препятствует исполнению данного дисциплинарного взыскания, но не исключает возможности его назначения. Если в течение указанных выше сроков, установленных статьей 117 УИК Российской Федерации, отпадут медицинские противопоказания, мешающие помещению в штрафной изолятор, ранее назначенное дисциплинарное взыскание подлежит исполнению исходя из принципов юридического равенства и справедливости. Иное противоречило бы конституционным основам юридической ответственности.

Следовательно, действующие правила водворения в штрафной изолятор осужденных, допустивших в лечебных исправительных учреждениях нарушения установленного порядка отбывания наказания, предполагают как учет состояния их здоровья, так и продолжение – в случае отсутствия медицинских противопоказаний для исполнения этой меры взыскания – амбулаторного лечения в условиях дополнительной изоляции, что не может расцениваться в качестве отступления от требований статей 41 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Необходимость же оказания осужденному к лишению свободы медицинской помощи в стационарных условиях служит безусловным основанием для вынесения медицинского заключения о невозможности его помещения в штрафной изолятор.

6.1. Согласно частям третьей и четвертой статьи 116 УИК Российской Федерации осужденный, совершивший нарушения, названные в ее частях первой и второй, признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания при условии назначения ему взыскания, предусмотренного пунктами «в», «г», «д», «е» части первой статьи 115 и пунктом «б» статьи 136 данного Кодекса; такое признание реализуется постановлением начальника исправительного учреждения по представлению администрации исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, признание лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания является не взысканием, а последствием назначения ему соответствующего взыскания за совершение злостного нарушения (определения от 27 февраля 2018 года № 326-О и от 27 сентября 2018 года № 2145-О) и потому не нарушает конституционный принцип *non bis in idem*.

Такое признание не аннулирует вынесенного взыскания в виде водворения в штрафной изолятор, куда осужденный не был помещен ввиду медицинских противопоказаний, а также влечет за собой возможность перевода осужденного в более строгие условия отбывания наказания. Само же истечение срока исполнения дисциплинарного взыскания, в том числе по причине оказания в этот период медицинской помощи в стационарных условиях, не свидетельствует о необходимости аннулировать такое правовое последствие, как признание лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Придание проверяемым нормам противоположного значения обесмысливало бы применение дисциплинарного взыскания, которое не могло быть исполнено с учетом состояния здоровья осужденного и в целях оказания ему надлежащей медицинской помощи в стационарных условиях, т.е. исходя из принципа гуманизма, а не в связи с изменением оценки его противоправного поведения, характера и тяжести допущенного нарушения.

Соответственно, в случае назначения осужденному к лишению свободы, нарушившему в период нахождения в лечебном исправительном учреждении установленный порядок отбывания наказания, такого дисциплинарного взыскания, как водворение в штрафной изолятор, не исполненного в предусмотренный законодателем срок ввиду медицинских противопоказаний, не исключается возможность признания этого лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

7. Таким образом, части первая и восьмая статьи 74, часть вторая статьи 101 и пункт «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они:

допускают применение к осужденным, совершившим в условиях лечебного исправительного учреждения нарушение установленного порядка отбывания наказания, предусмотренного для вида исправительного учреждения, определенного судом, закрепленных уголовно-исполнительным законодательством мер взыскания (включая водворение в штрафной изолятор) и их правовых последствий (в том числе признание злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания), что влечет возможность перевода осужденного в более строгие условия отбывания наказания;

дозволяют водворять в штрафной изолятор с учетом не только обстоятельств нарушения, допущенного осужденным в период нахождения в лечебном исправительном учреждении, но и состояния его здоровья, а также с учетом

обеспечения при исполнении данной меры взыскания амбулаторного лечения, необходимого по характеру заболевания;

исключают возможность исполнения дисциплинарного взыскания в виде водворения в штрафной изолятор в отношении осужденного к лишению свободы, нуждающегося в оказании медицинской помощи в стационарных условиях.

Принимая во внимание то обстоятельство, что оспариваемые А.В.Яковлевым законоположения не признаны неконституционными, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 10¹ части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», приходит к выводу, что отсутствуют основания для пересмотра дела заявителя, поскольку, как следует из представленных им материалов, дисциплинарное взыскание в его отношении не было исполнено в связи с наличием медицинских противопоказаний, а приложенные к жалобе судебные решения не свидетельствуют о применении оспариваемых норм в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать части первую и восьмую статьи 74, часть вторую статьи 101 и пункт «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они:

допускают водворять осужденного, отбывающего на основании судебного решения лишение свободы в исправительной колонии или тюрьме, временно направленного в лечебное исправительное учреждение и допустившего в нем нарушение установленного порядка отбывания наказания, в штрафной изолятор;

дозволяют применение данной меры взыскания с учетом не только обстоятельств допущенного осужденным нарушения, но и состояния его здоровья, предусматривают обеспечение при ее исполнении амбулаторного лечения, необходимого по характеру заболевания;

исключают при этом возможность исполнения данной меры взыскания в отношении осужденного к лишению свободы, нуждающегося в оказании медицинской помощи в стационарных условиях, что не препятствует признанию его злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

2. Конституционно-правовой смысл частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

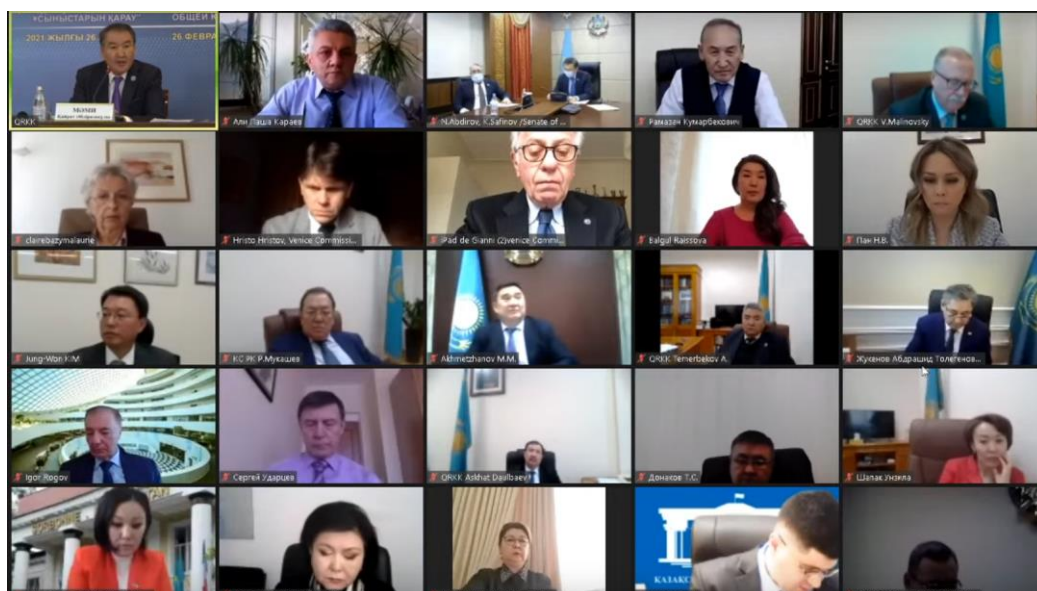
4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства 19 Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

**Международный онлайн-круглый стол «Рассмотрение Конституционным Советом запросов судов общей юрисдикции»
(26 февраля 2021 года)**

26 февраля 2021 года в онлайн режиме состоялся международный круглый стол на тему: «Рассмотрение Конституционным Советом запросов судов общей юрисдикции».

Мероприятие организовано Конституционным Советом совместно с Венецианской Комиссией в рамках Совместной программы Европейского Союза и Совета Европы по верховенству права в Центральной Азии на 2020-2023 годы.

Открывая круглый стол, Председатель Конституционного Совета Кайрат Маами отметил, что рассматриваемый сегодня институт широко применяется в ряде европейских и других стран. В целом этот механизм призван служить обеспечению

верховенства права и развитию правовой системы страны при ведущей роли Конституции Республики.

С приветственными словами к участникам также обратились Президент Венецианской комиссии Джанни Букиккио и Глава Отдела сотрудничества Представительства Европейского Союза в Казахстане Йоханнес Стенбек Мадсен.

На Форуме с докладами выступили представители Конституционного Совета, Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, Министерства юстиции, адвокатуры, ученые-правоведы, а также зарубежные эксперты, представляющие Венецианскую комиссию и органы конституционного контроля и юридической общественности Франции, Италии, Кореи, Молдовы и других стран.

Участники круглого стола отметили, что проверка конституционности законов является важной гарантией защиты прав и свобод человека. Согласно Конституции поводом для возбуждения такой процедуры являются обращения судов, перед которыми участники судебного процесса могут заявлять соответствующие ходатайства.

Конституционным Советом внесены конкретные предложения, направленные на повышение эффективности данного института. Они предполагают установление в процессуальных кодексах более детального порядка рассмотрения судами отмеченных ходатайств, требований к ним, определение круга выясняемых судьей вопросов и конкретных оснований для отказа в их удовлетворении.

Рекомендации и предложения экспертов будут учитываться рабочей группой при дальнейшей работе.

Обсуждены вопросы исполнения решений органов конституционного контроля

25 июня 2021 года состоялся международный онлайн семинар на тему «Исполнение решений конституционных судов и приравненных к ним органов: теория и практика».

Мероприятие организовано Конституционным Советом Республики Казахстан совместно с Венецианской комиссией в рамках Совместной программы Европейского Союза и Совета Европы по верховенству права в Центральной Азии на 2020-2023 годы.

Открывая мероприятие, Председатель Конституционного Совета Кайрат Маами отметил, что деятельность органов конституционной юстиции направлена на обеспечение верховенства Основного Закона. Данная миссия предопределяет важное значение решений органов конституционного контроля, исполнение которых является непременным условием утверждения верховенства права.

В своем приветственном слове Президент Венецианской комиссии Джанни Букиккио сказал, что конституционные суды формируют демократические принципы, поскольку они дают толкование принципам и нормам, закрепленным в конституции, которое служит руководством для всех государственных органов в понимании и применении Основного Закона. Эффективное исполнение их решений имеет важное значение для улучшения защиты прав человека и способствует надлежащему управлению.

Посол Европейского Союза в Казахстане Свен-Олов Карлссон обратил внимание на основные положения упомянутой программы Европейского Союза и Совета Европы.

На форуме с докладами выступили член Конституционного Совета Унзила Шапак, Председатель Конституционного Суда Республики Узбекистан Мирза-Улугбек Абдусаломов, судья Конституционного Суда Кыргызской Республики Меергуль Бобукеева и судья Конституционного Суда Республики Таджикистан Джамшед Джамшедзода.

Своим опытом также поделились зарубежные эксперты, представляющие Венецианскую комиссию: судья Конституционного Суда Болгарии Филипп Димитров, судья Конституционного Суда Чехии Катерина Семачкова, экс-Председатель Конституционного Суда Молдовы Александру Тэнасе и экс-Председатель Конституционного Суда Грузии Георгий Папуашвили.

Участники семинара обменялись опытом по указанной теме, обсудили имеющиеся проблемы и пути их разрешения.

Казахстанская сторона рассказала о законодательных инициативах, предлагаемых в рассматриваемой сфере. Они касаются вопросов разработки законопроектов, пересмотра судебных и иных решений во исполнение постановлений Конституционного Совета, порядка их введения в действие.

Представитель Чехии подчеркнула, что в подлинно демократическом государстве, где существует доверие между властями, решения конституционного суда соблюдаются как в части данного в них толкования, так и в смысле их эффективного исполнения. Учет его правовых позиций при разработке нового законодательства важен для защиты прав человека.

Эксперт из Грузии пояснил, что эффективность конституционного контроля во многом зависит от формы, объема и характера исполнения конституционных решений. Для человека, подающего конституционную жалобу, жизненно важно иметь возможность получить эффективное средство правовой защиты от конституционного суда. Таким образом, претворение в жизнь конституционных решений играет решающую роль в обеспечении верховенства Конституции.

В работе семинара также приняли участие депутаты Парламента, судьи Верховного Суда, руководящие работники Администрации Президента, Генеральной прокуратуры, Министерства юстиции и представители научной общественности Казахстана.

**Конституционное
ПРАВΟΣУДИЕ**

Вестник
Евразийской ассоциации органов
конституционного контроля

Выпуск 1 (83)

Адрес редакции: 010000, г. Нур-Султан, ул. Кунаева, 39
Тел.: 74-76-52, факс: 74-76-51
e-mail: okr@ksrk.gov.kz
www.ksrk.gov.kv